

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

Урал-
БАТЮШКА

На пороге великой смуты

Урал-батюшка

Александр Чиненков

На пороге великой смуты

«ВЕЧЕ»

2019

Чиненков А. В.

На пороге великой смуты / А. В. Чиненков — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Урал-батюшка)

ISBN 978-5-4484-7939-7

1773 год. В разгаре русско-турецкая война. Российские войска теснят турецкие, крах Турции близок, но король Франции Людовик XV стремится спасти союзника от разгрома. Не решаясь объявить открытую войну России, он готовится нанести предательский удар в спину, отправляя в Оренбург своих шпионов для финансирования и организации смуты...

ISBN 978-5-4484-7939-7

© Чиненков А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	68
Глава 12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Чиненков

На пороге великой смуты

Часть первая

Степные огни

Глава 1

Наступила зима. От мороза схватывало дыхание. На Сакмаре забереги всё увеличивались, течение несло ледяное «сало», и казалось, вот-вот река встанет у всех на виду. Но она встала для всех незаметно, ночью, – посмотрели утром, а перед глазами корявое ледяное поле, и свежий снежок посыпает его, ровняя поверхность.

Рождество в этом году было снежным. Снег шёл всю ночь. Деревья в лесу стояли под толстыми белыми шапками. Крепкий морозец при полном безветрии приятно пощипывал лица казаков.

Народ давно прошёл от утрени.

У атамановой избы, на базарной площади стояло не менее десятка троек. Сани и лошади были украшены разноцветными лентами.

Светлая передняя избы с многочисленными вешалками была завалена шубами, полушубками и азямами (азям – крытый овчинный тулуп). Несмотря на то что на улице сверкал яркий солнечный день, изба была освещена многочисленными свечами.

Гостей встречал сам атаман Данила Донской с супругой и поп Серафим. По случаю рождественского приёма атаман был одет в парадный мундир.

Все сакмарские казаки уже сидели за столом. А казаки, как всему миру известно, любят пировать шумно, открыто – «всем ворогам назло и соседям на зависть». Обычно в Сакмарском городке свадьбу гуляли неделю, именины, крестины – не менее двух дней, ну а Рождество справляли один день. Но зато как!

Так жили прадеды, деды. Не одним десятком лет освящены нерушимые обычаи.

По случаю наступившего Рождества вино и водка лились рекой, столы ломились от яств, а казаки и казачки веселились от всей души!

В избе залихвасто брэнчала балалайка, ей подыгрывали деревянные ложки, а жена атамана Степанида, красивая полногрудая казачка, выплясывала в паре с Петром Беловым.

Подвыпившие изрядно зрители хватались за животы. А Степанида выплясывала и вихревой присядкой, и забористой чечёткой, и готова была, кажется, встать на голову, чтобы поразить своим удалством любовавшихся её пляской гуляк.

Белов вовсю старался не уступать «атаманше». Он плясал так забористо, что казалось, его ноги едва касаются пола. Урядник пришёлкивал, присвистывал и выкрикивал задиристые припляски: «Э-э-эх, пропади земля и небо. Я на кочке проживу!..»

Добродушный гуляка, танцор и балагур, Белов был незаменим на всех гулянках и торжествах в Сакмарске. Он не отказывал никому в своём таланте увеселять пьяных земляков.

Но вот ноги атаманши начали путаться, и она остановилась, повелительно сдвинув соболиные брови. Балалайка и перестук ложек моментально смолкли. Гости замерли за столом. А Степанида, чувствуя всеобщее внимание, вдруг запела.

Мелодия родилась сама собою, и слова пришли сами, простые и грустные, – потом она никак не могла вспомнить, что пела. Степанида слушала свой голос, летевший над потолком

избы, – сильный, глубокий, свободный. Ей случалось петь не единожды, но она никогда не вслушивалась, как звучит её пение.

Она вздрогнула и смолкла, потому что подошедший сзади атаман, неловко повернувшись, задел её локтем.

– Кто это там? – крикнула она недовольно.

– Господи, не сердчай, душенька, не хотел я, – пробормотал виновато Данила.

Степанида уже готова была ответить привычной резкостью (они с мужем постоянно пререкались). Но атаман присел рядом на табурет и попросил:

– Ты продолжай, Степанидушка. Я ведь не мешаю.

Он был настолько растроган пением жены, что напрочь позабыл сказать что-либо язвительное.

Степанида помолчала и запела старинную казачью песню. Её щёки порозовели. Она наслаждалась звуками своего голоса и захотела услышать восторженную похвалу.

И она добилась своего. Её песни, её необыкновенный голос поразили всех. Казаки хлопали, не жалея ладоней. К Степаниде неслись возгласы удивления, похвал, восхищения...

А потом снова грянула плясовая. Весело забренчала балалайка, и в такт ей застучали ложки.

Пока в избе шло веселье, атаман, Гордей Тушканов и Матвей Куракин вышли на крыльцо.

– А ты его рыло хорошо запомнил? – спросил атаман у Куракина, продолжая начатый в избе разговор.

– Ни в жисть не зрил его в глаза, – ответил тот.

– Чернобровый, стройный такой, – попытался помочь ему вспомнить Тушканов.

– Не-е-е, этот чужак другого обличья был. Неприметный какой-то. А рыло своё он всё платком закрывал. Вот только зенки его узкие, будто азиатские. Такие юркие, колючие и беспокойные. – Куракин посмотрел вдаль, припоминая холодную стеклянность неприятных глаз встреченного им ночного путника. – На башке у него шапка лисья, на ногах сапоги тёплые. А ещё в шубу одет, мехом лисицы подбитую.

– А что он тебе балакал? – поинтересовался атаман.

– Всё больше помалкивал, – ответил казак. – Я ещё сказал ему, что не местный ты, как я погляжу. Заплутать можешь. Айда, дескать, в городок к нам, заночуешь, а утрась и в город зараз подашься. А он, вражина эта, как зыркнет. И зло так буркнул: «Я дорогу знаю. А беды мне никто причинить не осмелится!» Вот почитай и все. Я подстегнул свою Ворону, и айда в городок. А он и подался дальше по дороге, что на слободу Сеитову ведёт. Я ещё вчерась о том обсказать хотел тебе, атаман, да вот закружился как-то...

Казаки задумались.

– Дня два назад какие-то сабарманы Янгизский умёт разграбили, – сказал Тушканов. – Казаков побили, скот увели.

– Жаль вот, домой спешил, – вздохнул Куракин. – А то бы до места его довёз и прознал, кто есть он.

– Да не поехал бы он до места с тобою, – сказал атаман. – Могёт быть, лазутчик он сабармановый, раз рыло платком укрывал. А шёл он в свою волчью нору, которую надо бы разыскать и раздавить, ежели где рядышком, чтоб жить спокойно и далее. Верно говорю?

– Эдак верно, атаман, – поддержали его собеседники.

Дверь, скрипнув, открылась, и из избы вышли Никодим и Прасковья Барсуковы. У Прасковьи был узелок в руках.

– Куда это вы? – спросил Тушканов. – Ещё гульба в самом разгаре?

– Некогда нам расслаживаться, – вздохнул Никодим. – Груню навестить надо, гостинцев ей снести.

– Как она поживает? – спросил атаман.

– Взял бы вот сам и сходил, – озлобленно буркнула Прасковья. – Сам на похоронах подсоблять обещал, а теперь и носа казать не хочешь.

– Цыц, Прасковья! – крикнул Никодим. – Сами управимся. Нечего атамана от дел отрывать!

– Дык что с ней? – спросил Донской.

– Да ничего, – ответил Никодим. – Из избы, акромья как на кладбище, более никуда не выходит. Она уже не найдёт себе утехи. Ни сегодня, ни опосля.

– Зайду к ней завтра утром, – сказал атаман, – попроведаю!

Долго ещё не расходились казаки, всем миром празднуя Рождество.

Наконец начали подниматься. Первым вышел поп Серафим. Он был розовый от выпитого вина, пышногривый, величественно-красивый. Его заметно качало. Он с трудом спустился с крыльца. Подоспевший дьяк помог усесться в сани и взял в руки вожжи. Пара гнедых взяла с места размашистой рысью.

Вслед за попом разъехались ещё несколько казаков с жёнами. Наконец на крыльце показались одновременно атаман с супругой, едва стоявший на ногах, в полушубке, одетом только в один рукав, без шапки, бравый казак Григорий Мастрюков. В правой руке он держал недопитую четверть с водкой.

Сын Мастрюкова подал к крыльцу раскормленного жеребца, запряженного в сани. Григорий и атаман о чём-то громко заспорили. Неожиданно разгорячившийся Мастрюков передал четверть своей супруге Софье и замахнулся на Донского. Вышедший в это время из избы Матвей Куракин перехватил руку Мастрюкова, и на крыльце началась драка.

А нагулявшиеся казаки всё выходили и выходили из избы и вскоре драчунов разняли. Мастрюкова насильно впихнули в сани, и сын увёз горланящего песни и зовущего всех к себе в гости отца вместе с матерью домой.

Спустя четверть часа изба опустела. Последними вышли Гордей Тушканов и его супруга Глаша.

– Гланька, куда стопы править будем? – пьяно выкрикнул Гордей.

– До избы, куда же ещё, – придерживая его под руку, ответила супруга.

– А сани где? – огляделся писарь.

– Дома, где ж ещё, – хохотнула Глаша. – Мы ж пешком пришли, али запоматывал?

– Да? Ну всё не как у людей! – возмутился Гордей и тут же махнул рукой. – Сигай на меня верхом, Гланька. Зараз довезу до избы, не хуже мерина нашего! Ха-ха-ха...

* * *

Во время общего гулянья Мариула находилась дома. Минувшая ночь принесла ей столько потрясений, что утром она вынуждена была отказаться от приглашения. Выпив настойки, снимавшей головную боль, она прилегла на постель и задумалась, вспоминая события прошедшей ночи.

Весь день, до позднего вечера, она выпекала к празднику пироги и шаньги. Вдруг прямо перед ней словно из-под земли появилась покойная мама. Мариула не испугалась, просто сильно удивилась. Мама держала в руке её детские варежки и с грустью смотрела на неё.

– Послухай, – обратилась Мариула, – ты страсть как похожа на мою матушку-покойницу! Не обессудь, но мне так хочется поцеловать тебя...

Ночная гостья заулыбалась и приблизилась к Мариуле, и та крепко обняла её и поцеловала сначала в левую щеку, а потом – в правую. Сердце у ведуньи защемило: она всей душой ощутила, что расцеловала родную мать.

– Как же ты похожа на живую! – со слезами воскликнула она. Но гостя молчала, и вскоре призрак растаял в воздухе, а Мариула осталась сидеть в полной растерянности и никак не могла понять, что же это было, если она явственно ощущала тепло щёк своей мамы, когда обнимала и целовала её, прижимала к себе.

Но рождественские чудеса на этом не кончились. Когда Мариула пришла в себя, решила накрыть на стол. Наступила полночь, Мариула встала из-за стола и сказала:

– Ну и что с того, что в эту ночь я осталась одна! Никто не пришёл нынче ко мне в гости, да и я ни к кому не пошла, потому что идтить не захотела. Уж коли не довелось встретить Рождество с живыми, буду встречать с мёртвыми!

Затем открыла дверь, ведущую из сеней на двор, и поклонилась:

– Заходите те, кто любил и чтил меня при своей жизни!

Постояла немного и хотела захлопнуть дверь. Но не тут-то было!

Внезапно в дом один за другим зашли... атаман Василий Арапов, есаул Пётр Кочегуров, Фома Сибиряков, Никифор, Гурьян Куракин. Они стали снимать верхнюю одежду и разуваться. Последним пришёл муж Мариулы Степан. Ведунья стояла в углу, не в силах вымолвить ни слова. Лишь с изумлением смотрела на их необыкновенно красивые одеяния. Справившись с волнением, она сказала:

– Здравствуйте, гости дорогие! У вас чудная одежда. Блестящая, переливающаяся... Заморская, что ли?

Но они, словно не замечая её и не слыша расспросов, молча прошли в избу и стали садиться за стол. Мариула достала из шкафчика шесть рюмочек, хотела налить в них водки, но не смогла открыть бутылку:

– Может быть, кто-нибудь из вас откупорит?

Все по-прежнему молчали, словно набрав в рот воды.

– Ладно, – сказала Мариула. – Будем пить наливочку.

Принесла из сеней бутылку, разлила наливку по рюмкам, все чокнулись. Когда стали закусывать, отчётливо послышалось чавканье. Потом она поставила самовар, принесла мёд и пироги. Но как только «гости» взяли в руки чашки с чаем, в сарае прокукарекал петух.

Обернулась Мариула к своим гостям – никого нет за столом! Рюмки с наливкой стоят нетронутые, на тарелках разложены куски пирога. Она бросилась в сени, но дверь оказалась запертой на задвижку, а на вешалке не было никакой одежды, кроме её шубейки. До утра Мариула просидела за столом сама не своя, крестилась, молилась и ругала себя: «Вот дура старая, встретила Рождество в компании с покойниками. Как я могла позабыть, что мир теней шутковать не любит...»

В дом Мариулы вбежала Лиза Бочкарёва, жившая по соседству. Она была необычно возбуждена.

– Мариула, – сказала она поспешно, – к нам только что прибыл казак яицкий Иван Ковригин с вестью худой.

– Что стряслось? – спросила Мариула взволнованно, побледнев.

– Сыночек твой Егорушка погиб на войне турецкой, – ответила Лиза.

– Погиб? На войне? – прошептала Мариула, поднимаясь с постели. – А что он там делал? Ведь оренбургских казаков на войну не призывали?

– А может, забрили в солдаты за провинность какую, ты ж не знаешь? – насторожилась соседка. – Он же в Бердах жил, а ты здесь?

– Ежели бы забрили, я бы знала, – уверенно ответила Мариула. – Но ты сказывай, что тебе гость твой поведал.

– В плену турецком сгинул сынок твой. Эдак Ивашка сказывал.

– А он, Ивашка, откель взялся?

«А может, и взаправду всё?» – подумала Мариула, и слёзы навернулись на глаза. Эта недобрая весть тисками сдавила душу.

Её сын проживал с семьёю в Бердах и часто навешал мать. А теперь его давно не было. Даже к празднику весточку о себе и внуках не прислал.

– Не плачь, Мариула. – Бочкарёва обняла поникшую женщину и прослезилась сама. – На войну-то не призывают, верно сказала. А сколько наших сакмарцев забрили за провинности малые? Да у тебя ещё внуки есть. Красавцы здоровенные...

– Это верно, – вздохнула Мариула. – Никогда бы не подумала, что Егорушку в солдаты забреют. Послушный он был у меня и богобоязненный.

– Да, – согласилась соседка. – Таков он был, ведаю я.

– Почему это был? – вздрогнула Мариула. – Он был, есть и будет, а твой гость нынешний – враль несусветный!

– Как это враль? – удивилась Лиза.

– Бродяга он голодный или беглый. Покушать захотел, вот и выдумал небылицу, чтоб от порога не прогнали.

– А откуда он знат, как звать-величать сродственников наших?

– Ой, Господи, да разговор, мож, чей подслушал? – Мариула всхлипнула, вытерла глаза платком:

– Вот мне и сон в руку. Не зря, видать, покойники всю ночь у меня в доме гостили.

– О чём это ты? – вскинула удивлённо брови Лиза.

– Да я так это, – неохотно ответила Мариула и схватила соседку за руку. – Где ж этот вестник-то чёрный? Ещё у тебя али ушёл?

– Привести его?

– Веди!

Бочкарёва вышла и вскоре привела в избу болезненного вида, плохенько одетого мужичка. Тот, войдя в дом, остановился на пороге, поглядывая исподтишка то на Мариулу, то на Лизу, которая села на табурет и с беспокойством разглядывала его.

– Здравия желаю избе вашей! – И Ковригин поклонился. – Не серчайте ради Христа за весть недобрую, что я зараз к вам привёз.

– Где добыл ты её? – спросила Мариула. – Может, сбрехнул кто со зла?

– Верный человек о том сказывал. – Ковригин изобразил на бледном лице печаль. – Я когда домой из госпиталя собирался, земляка вашего встренул. Вот он и просил меня в городок Сакмарский попутно заглянуть!

– А кто он? – полюбопытствовала Мариула.

– Да брат мой, Фрол, – ответила за казака Лиза. – Его встретил Иван в госпитале.

– Фрол?! – воскликнула Мариула, покраснев, и вскочила на ноги, но Лиза схватила её за руку и усадила на кровать. – Что ещё ведаешь? – спросила она, буравя гостя суровым взглядом.

– Эх, ведаю я много чего, да лучше б вам о том не знать. – И Ковригин опустил голову. – Хоть я и пропащая душа, помру, видать, скоро, но не поведать не могу. Аким сказывал, что будто видал сам, как Егоруку-то турки штыками кололи.

– И что, до смерти прям? – спросила язвительно Мариула.

– Акимка сказывал, что до смерти. Его турки в плен взять чаяли, а он в драку с пашой ихнем ввязался. Вот потому-то его штыками-то и колоть начали!

– А про какого Акимку ты нам сейчас сказываешь? – усмехнулась Мариула. – Вначале ты про Фролку Лизиного обмолвился?

– Ой, что это я, – покраснел мужичок. – Ну, конечно же, Фролка. А Акимка, это так. Со мной из госпиталя шёл.

– А Фролка мой как выжил? – спросила Лиза. – Как он в госпиталь угодил?

– Нечестивые турки, – продолжил Ковригин, – так изгаляются над пленными христианами, что сердце кровью обливается. Вот Фролка всё своими глазами зрил, а я только со слов обсказываю. Будь они прокляты, супостаты магометанские! – И мужичок топнул ногой о пол, в то время как Мариула не спускала с него глаз.

– Фролке утечь от турок удалось, – продолжил Ковригин слезливым голосом. – От болезни сознание потерял он, а турки его мёртвым сочли и выбросили. А он опосля очухался и зараз к своим уполз!

– А сына моего, Егорушку, только штыками нехристи кололи? – еле сдерживаясь от смеха, спросила Мариула.

– Ещё башку срубили! – ответил тот, беспокойно посмотрев на неё.

– Ой! – отчаянно вскрикнула Лиза и, не в силах совладать с подступившей к горлу рвотой, побежала к двери.

– Кто это тебе обсказал? – строго спросила Мариула. – Фролка, что ли?

– Уже запамятовал, – пожал плечами Ковригин. – Просто турки всем бошки рубят. И живым-раненым, и мертвякам даже.

– А ты не брешешь?

– Спасением своим клянусь! – И мужичок приложил к груди правую руку.

– А теперь я вот что тебе скажу, враль несусветный и бродяга неприкаянный. – Мариула презрительно посмотрела в бегающие глазки «гостя». – Ты вот спасением своим поклялся, а не пугаешься гнева Божьего?

– О чём это ты? – побледнев, пролепетал мужичок.

– О том, что выдумка твоя не в те уши сказана.

– Как знал, эдак и сказал.

– Красиво врал, да не знал, что по указу царицы оренбургских казаков на турецкую войну не призывают, – прищурилась, разглядывая Ивана, Мариула. – У нас в Сакмарске только Фролку Бочкарёва и ещё несколько казаков за провинность в солдаты забрали, а вот сыночка моего... Скажи, ежели жизнь дорога, когда ты всё это выдумать успел?

Ковригин занервничал. Его пальцы побелели, крутя шапку, словно выжимая из неё воду.

– Я на базаре в Оренбурге побирался, – начал он, – и подслушал разговор казаков про войну турецкую. Там и узнал я, что Фролка Бочкарёв в госпитале лежит. А о том сынок твой кому-то сказывал.

– И ты решил к Лизке идти, штоб разжалобить её? – спросила Мариула.

– Я только зиму пережить у неё хотел, – сознался мужичок.

– А Егорушку моего пошто приплёл?

– Да так, к слову пришлось!

Мариула прикрыла глаза, прерывисто вздохнула, после чего сказала:

– Ступай из городка нашего подобру-поздорову, грешник неприкаянный! Ты людям горе принёс, чтоб самому хорошо было. Ежели прямо сейчас из Сакмарска не уберёшься, я порчу наплю на жизнь твою, и без того поганую!

В это время в избу вошла опроставшая желудок Лиза:

– Ну что, всё обспросила?

– Всё, об чём интерес имела, – улыбнулась ей Мариула. – Скажи своему гостю непрощенному, что пушай исполнит всё, что сказала ему я.

– А ты что развеселилась? – удивилась Лиза.

– Да причин для тоски не углядываю. Жив и здоров Егорушка мой и на войне никогда не был!

– Это кто тебе эдакое без меня поведаль?

– Никто, это сердечко моё материнское знать дало. Не чует беды оно – знать, и нету её вовсе!

Глава 2

Рождество они встретили вместе, и даже приятно. У них царила полная гармония. Этому немало способствовала Жаклин. Казалось, она позабыла о своей слабости к Архипу. Капитан Барков был очарован. Она снова показалась ему очень умной и красивой женщиной, к тому же её несчастье давало ей, по его мнению, право на его сочувствие.

Но Жаклин по-прежнему не была в него влюблена. Она провела уже много времени вместе с Барковым, и он был неизменно внимателен к ней. А сегодня он всю праздничную ночь почему-то рассказывал о другой женщине, которую Жаклин не знала и никогда не видела.

Женщине не надо быть влюблённой, чтобы при подобных обстоятельствах почувствовать досаду, ей даже не надо признаваться себе, что это её задевает. Жаклин не сознавала причины своей досады. Просто восхищение, с каким капитан рассказывал о той, другой из Петербурга, нервировало её.

Но Жаклин недолго сердилась на Баркова, и к утру они снова стали добрыми друзьями. Он не мог ей не нравиться, так как с ним сегодня было приятно разговаривать. И всё же он не совсем ей нравился, так как ей казалось, что он разговаривает с ней несерьёзно. Он как будто играл с ней. Она узнала его достаточно хорошо и понимала, что он на самом деле серьёзный, склонный к раздумьям человек, способный на глубокие душевные терзания из-за своих убеждений. Но с ней он всегда был мягко шутлив. Если бы улыбка хоть однажды исчезла из его глаз, она, быть может, могла бы попробовать полюбить его...

Барков чувствовал себя рядом с Жаклин таким сильным и крепким, что она представлялась ему страшно слабенькой. Она так мала, так непрочна, у неё такие нежные косточки, такие слабые мускулы, такие маленькие ножки. Её слабость умиляла его и притягивала. Он твёрдо верил, что обязанности его, как мужчины, охранять её, брать на себя все заботы, быть защитником и помощником. И вот она рядом... Жаклин – эта неизвестная красивая женщина, далеко не напоминающая коварную жестокую преступницу, на которую велась охота, – одна, с кучей навалившихся на неё забот. Он так ясно представлял себе её беспомощность среди нахлынувших житейских дел. Кто поможет ей вырваться из порочного круга, в который она попала, быть может, и не по своей вине? Кто спасёт её, если вдруг реальная опасность будет угрожать её жизни?

Барков потянулся в кресле, удручённый чужим горем. Он подыскивал слова, которые должен прямо сейчас сказать думавшей о чём-то своём Жаклин, чтобы утешить её: «Не печалься, дорогая, всё не так уж плохо, как ты думаешь. Хочешь, я вытру твои слёзы, милая госпожа».

Нет, эти слова не годились, их стыдно говорить Жаклин, не зная, нуждается ли она в них? Но Барков придумывал новые, ещё более нежные: ему было приятно мысленно повторять их и горько сознавать, что вряд ли придётся их озвучить.

– Господи, как мне всё надоело! – вдруг воскликнула Жаклин, вставая с кресла и направляясь к столу.

– Что именно? – тут же спросил Барков, наблюдая, как она схватила графин и наливает в бокал вино.

– Всё, всё, всё! – ответила Жаклин. – Надоел этот проклятый городишко; надоел страх, который я испытываю, ожидая возвращения проклятого Анжели; надоело ожидать смерти от руки проклятого Садыка, который может в любой момент явиться, чтобы отомстить нам. Всё! Всё мне надоело и осточертело!

– Чем я могу вам помочь, госпожа?

– Да что ты можешь! – раздражённо бросила Жаклин. – Тебя, наверное, самого уже разыскивают семью собаками. Или ты всё ещё думаешь, что твоё неоявление в Самаре осталось незамеченным?

– Нет, я так не думаю, – вздохнув, признался Барков. – Но я считаю, что всё ещё много чего стою как мужчина, способный вас защитить!

– Я бы на твоём месте помолчала, «мужчина»! – окончательно разозлилась Жаклин. – По твоей милости сбежал этот негодяй Садык, сбежал Архип, сбежала девчонка. Ох, попадись они мне сейчас в руки. Сама даже не знаю, что бы с ними сделала!

– Госпожа, – улыбнулся Барков, – зачем выдвигать против человека обвинения, заранее зная, что они безосновательны?

– Это ты так считаешь, а я нет! – отрезала она.

– Во-первых, узника из подвала освободил не я, а Нага, – начал перечислять Барков. – Я даже не имел понятия, что кто-то сидит на цепи в вашем доме. Да я и вообще ни сном ни духом не ведал, что под шляпным салоном находится подвал.

– А что во-вторых? – выкрикнула Жаклин, осушив бокал и наполняя его снова.

– Во-вторых, я не знаю, почему сбежала Ания, – ответил Барков. – Вы же с Нагой не посвятили меня до конца в свои планы.

– А Нага? Ты же запер его в подвале? Почему он смог выбраться из него?

– Здесь я признаю свою вину, но лишь частично!

– Частично?

– Именно так.

– Да ты с ума сошёл?!

– Может быть, и так, госпожа, – ухмыльнулся Барков. – Пока вы, одуроченные своим же слугой, путешествовали вокруг городского кладбища, я сумел разгадать его козни, проследил за ним и запер его в подвале. Но разве я мог предположить, что стенная перегородка между камерами столь непрочна? Вашему слуге оказалось достаточным кинжала, которым он за ночь сумел выдолбить в перегородке дыру, протиснуться через неё в покинутую Архипом камеру и спокойно выйти из неё через незапертую дверь! А теперь позвольте вас спросить, в чём же я виновен по вашему пониманию?

– Хорошо, я не права, простите меня, Александр Васильевич, – всхлипнула Жаклин. – Но почему мы всё ещё в Оренбурге? Что нас здесь держит?

– Бесподобный вопрос, госпожа, – ответил Барков. – Если хотите, то я кое-что поясню по данному поводу.

– Сделайте милость, Александр Васильевич.

Прежде чем удовлетворить любопытство Жаклин, он подошёл к столу и тоже налил вина в свой бокал.

– Так вот, – начал он, – скажу сразу, что вам бояться нечего, госпожа.

– Приятно слышать, но верится с трудом, – хмыкнула Жаклин пренебрежительно. – Садык...

– Будем называть его по-прежнему Нага, – не очень-то вежливо перебил Барков. – Так вот, одурочивший вас азиат едва ли бродит где-то поблизости. Даже если он и решил отомстить нам обоим, то упустил свой верный шанс. Ему надо было сразу, после выхода из подвала, подняться в ваши покои и прирезать нас обоих! Мы оба не смогли бы ему противостоять. Я был ранен, а вы... женщина, Жаклин, и этим всё сказано!

Барков посмотрел на задумавшуюся «француженку»:

– Скорее всего, он уже потерял интерес к нашим особам. Посудите сами, Жаклин, чего сейчас с нас взять, ради чего можно было бы рискнуть? Я не имею ни гроша за душой, да и вы не намного меня богаче. Золота в бочках он тоже не нашёл, как надеялся! И что может из всего этого следовать?

- И что же?
- Отомстив нам, Нага подставил бы себя под нешуточную угрозу. А ему это надо? Я думаю, что он ищет сейчас Анию, чтобы вытянуть из её отца побольше золота!
- Он любит её, – сказала Жаклин.
- Едва ли, – усомнился Барков.
- Я знаю это.
- Быть зятем хана Малой орды тоже хорошая перспектива, – продолжил развивать свою мысль капитан. – Во всяком случае, хитрый азиат Нага – везде в выигрыше!
- А Архип? Почему он освободил его? – спросила уже спокойно Жаклин.
- Над этим я думал мало, – ответил, хмуря лоб, Барков. – Мне наплевать на этого узника, наплевать на причину, из-за которой вы его упрятали в подвал, и наплевать на то, что он благополучно сбежал из подвала. Вы не собирались брать его с собой, Жаклин, а это для узника было равносильно смерти!
- Говоря это, капитан, конечно же, умолчал о своей полной осведомлённости относительно плана Наги и Жаклин, но решил не заострять на этом внимания «француженки» и продолжил:
- Я думаю, что Нага освободил Архипа, чтобы досадить вам, Жаклин. И если бы я не запер азиата, он где-нибудь вашего узника, несомненно бы, прирезал.
- Получается, что вы спасли Архипу жизнь? – горько усмехнулась Жаклин.
- Может быть, не надолго, но я его спаситель! – не без гордости согласился Барков.
- Для меня было бы лучше, если бы Нага его прирезал! – оскалилась хищной улыбкой Жаклин. – Во всяком случае, мой кошмар на этом и закончился бы.
- Вас связывает с кузнецом какая-то тайна?
- Уже нет. Хотя я очень на это надеюсь! – Они помолчали, затем наполнили бокалы вином и выпили. – Я чувствую, что вы не сказали мне самого главного, Александр Васильевич, – сказала Жаклин. – Того, что удерживает вас здесь, в Оренбурге?
- Нас с вами, прекрасная госпожа, – уточнил Барков и сразу же продолжил: – Мне нужен Анжели. Неужели вы ещё этого не поняли, Жаклин?
- И только ради этого мы торчим в этом гнусном городе? – ужаснулась она.
- Именно так.
- Но почему вам понадобился Анжели? По долгу службы или...
- Раз с карьерой у меня ничего не получилось, то я решил поправить наши с вами дела за его счёт.
- И как вы собираетесь это сделать?
- Дождаться его.
- Вы думаете, он привезёт деньги?
- Всенепременно. Он привезёт с собой много золота.
- Почему вы так в этом уверены, месье? Вы осведомлены о его тёмных делишках?
- Нет, я лишь хочу заполучить его золото и уехать с вами за границу.
- Но он очень опасный человек, поверьте мне.
- Я тоже.
- Неужто?
- Да, особенно если сильно этого захочу! – А «ангел-хранитель», оставленный Анжели? Вы про него забыли, капитан? – повеселела Жаклин.
- Нет, он подстрелил меня и теперь временно спокоен.
- Так ли это, Александр Васильевич?
- До приезда Анжели он больше не предпримет никаких действий.
- А сейчас, в эту рождественскую ночь, он наблюдает за нами? Как вы считаете, Александр Васильевич?
- Не могу знать. Но я больше не подставляю под его пули свою голову!

Жаклин взяла в руки графин и очаровательно улыбнулась.

– Я предлагаю выпить за Рождество, господин капитан! – воскликнула она, торжествуя. – Надеюсь, вы не откажетесь ко мне присоединиться?

– Всегда рад услужить вам, прекрасная госпожа, – улыбнулся ей в ответ капитан. – Я вдвойне счастлив, когда мои действия доставляют вам искреннее удовольствие!

* * *

Нага курил опий уже вторую неделю. Голова его отяжелела, а глаза слезились. Откинувшись на подушки, он задумался, с горькой иронией вспомнив, как безнадежно провалился блестяще разработанный им план. В бочонках французов вместо золота оказалась медь, Ания укатила куда-то с кузнецом Архипом... Даже Барков оказался жив, хотя он сам видел, как неизвестный разрядил в него, в упор, оба пистолета. Калык исчез, разбежались все его сабарманы. А сейчас Нага прозябает у дальнего родственника в Сеитовой слободе и курит опий, страдая от тоски и безысходности. Увы, вокруг нет ни одного человека, на которого можно было бы положиться.

Нага лежал не вставая, как старый мерин. Он окончательно одурел от опиума. Где же найти людей, у которых огонь пышет изо рта и с клинка сочится кровь?

Наге стало страшно.

– Махмуд, – он толкнул дремавшего рядом двоюродного брата. – Вставай, лежебока, дело есть.

Тот нехотя приподнялся с подушки.

– Что такое, Садык?

– Дай мне твоего коня, я поеду в город.

– Моего коня?

– Да, твоего Араба.

Услышав, что речь идёт о его породистом красавце жеребце, Махмуд окончательно проснулся и протрезвел.

– Я запрягу тебе другую лошадь в телегу, брат мой.

– Я не привык ездить в телеге, Махмуд.

– Ну тогда я запрягу того жеребца, которого мне Калык на сохранение оставил.

– Нет, он слишком резв и злобен. А я не намерен объезжать его.

Первый раз за всё время они начали ругаться, и в голосах их – резком и нервном у Наги и язвительно-мягком у Махмуда – вдруг зазвучала если не ненависть, то явная неприязнь друг к другу.

Нага настаивал. Но Махмуд не мог отдать своего арабского чистокровного жеребца, подаренного ему отцом еще жеребёнком.

Он вспомнил, как купал своего Араба, лоснящегося на солнце, в Сакмаре-реке. Солнце опускалось за верхушки деревьев, заливая небо на западе до линии горизонта пунцовым светом вечерней зари. Араб с длинной шеей и тонкой спиной выпрыгнул на берег, встряхнулся и привычно нагнул голову. В рубашке и шароварах, засученных выше колен, Махмуд расчёсывал ему гриву.

– Нет, Араба я тебе не дам, – категорически отказал он. Нага насупился:

– Не буду настаивать. Запряги кого-нибудь другого.

Махмуд вышел в конюшню. Почуввав хозяина, Араб радостно всхрапнул и замотал головой.

Махмуд посмотрел на лошадь. Чёрные-пречёрные глаза жеребца были спокойны. Горделивая шея изогнулась. Не конь – орёл! Ах, если бы ему ещё крылья! А когда он в минуты слабости обнимал шею своего красавца, на душе сразу становилось спокойно и легко.

Как-то раз возвращался он домой из Оренбурга в Сеитову слободу. Дело было к вечеру. Откуда-то из степи показался конный отряд сабарманов. Выхватив сабли, разбойники поскакали за ним. Выпущенная стрела впиалась ему под правую лопатку. А что было потом, он и не помнит. Когда пришёл в себя, Махмуд открыл глаза, смотрит – он у ворот своего дома сидит на Арабе, обняв его за шею. Вот это верность! Он очнулся.

– Я хочу скорее вернуться, – донёсся до его ушей голос Садыка, который стоял сзади. – Мне нужен быстрый конь.

– Слушай, Садык, – сказал Махмуд с непримиримой холодностью, твёрдо уверенный, что его брат собирается бежать куда-то на его коне. – Я сам вырастил своего Араба! Я сам приучил его к седлу, и до сих пор никто чужой до него не дотрагивался. Хочешь, возьми мою душу, но Араба я тебе не дам.

– Для чего она мне, – недружелюбно усмехнулся Нага. – Ладно, запрягай мне коня Калыка. Он не хуже твоего Араба.

Махмуд запряг коня, которого Калык забрал у безжалостно зарубленного хозяина.

– Он хорошо под седлом ходит, – сказал он, подавая уздечку Наге. – И не злобный вовсе.

– Давай не оправдывайся, – хмыкнул Нага. – Завтра вернусь. Жди меня.

Когда Нага уехал, Махмуд вернулся в дом, набил в чилим опий, закурил и лёг на постель, уткнувшись головой в подушку. Перед глазами его замаячило злобное лицо свалившегося как снег на голову Садыка.

Так и не уснув до рассвета, Махмуд поднялся с мутной головой. В окне виделось посеревшее небо, серебристо мерцали на нём последние звезды. Мысли путались: не бросить ли всё и не бежать ли куда подальше, пока Садык не втянул его в очередную неприятную историю?

Утро занималось ясное. Махмуд умылся и вышел из дома. Во дворе его ожидал незнакомец – низенький татарин в заношенном тулупчике.

– Чего тебе? – спросил Махмуд, нагоняя на себя важность. – Я милостыню не подаю, и работников мне не надо!

– За конём я, – ответил незнакомец. – За тем, которого тебе на присмотр оставили.

Махмуд покачнулся, как будто его ударили кулаком по голове. Дрожь пробежала по телу.

– О каком коне ты говоришь, бродяга? – едва ворочая языком, спросил он.

– Ты знаешь о каком, – ответил татарин. – А ещё кошель с золотом велено вернуть, который вместе с конём на сохранность оставлен.

У Махмуда вытянулось лицо.

– Да-да, ты правильно подумал, – усмехнулся татарин. – Хозяин велел всё сполна вернуть. Сам он попозже заглянет, как только дела свои уладит...

Глава 3

Мастера лыжи, Архип вспоминал о своём появлении в умёте. Ляля привезла их сюда, высадила, а сама умчалась в бесконечную степную даль, даже не ответив на его вопрос: «Свидимся ли мы ещё когда-нибудь?»

Архип и Ания шли тогда по единственной крохотной улочке умёта, держась за руки. Они не разговаривали и, занятые каждый своими мыслями, лишь время от времени дружески переглядывались, спеша к самому большому дому хутора, где, как сказала цыганка, их уже с нетерпением ждут.

Архип гадал: пустят ли их на временный постой хозяева дома? А Анию в непривычно простой, хотя и прекрасно сшитой одежде и смущали, и радовали восхищённые взоры редких прохожих, и молодых, и немолодых, лихо заломивших шапки, бесцеремонно пяливших глаза на неё, оборачивающихся... Она шла, скромно опустив глаза, но всё равно чувствовала на себе восхищённые взгляды мужчин.

У парадного крыльца Ания и Архип переглянулись и стали медленно подниматься по лестнице.

В сенях их встретил немолодой мужчина.

– Ильфат, – представился он, слегка поклонившись.

Ильфат распахнул тяжёлую дубовую дверь и, неумело копируя приёмы господского слуги, чуть сбывчив седую голову на плохо гнущейся толстой шее, сказал громко на всю прихожую:

– Милости просим, гости дорогие!

Архип и Ания прошли в большую комнату, разглядывая громоздкую, обтянутую зелёным бархатом мебель, стоявшую вдоль стен. Прошли ещё через комнату, тоже большую и тоже загромождённую мягкой мебелью, какими-то невиданными аляпистыми цветами в огромных кадках. И только перед третьей, с раскрытыми дверями огромной комнаты они остановились.

Спокойная до этого, Ания вдруг взволновалась. Лицо её запылало, словно в огне. Легко скользящие по полу, обутые в мягкие войлочные чуни ноги её вдруг замедлили движение, а руки задрожали.

Волнение Ании тотчас передалось Архипу, у которого тоже невольно задрожали руки. Так они и вошли в большой зал.

Встретившая их хозяйка дома оказалась молодой и очень красивой женщиной. Стройная, в длинном шёлковом платье, она казалась гибкой, как тростинка.

– Можете мне ничего не рассказывать о себе, – очаровательно улыбнулась она и указала на устланное мягкими подушками ложе. – Садитесь, молодые люди. Именно такими я вас и представляла себе, когда слушала Лялю. Вы – удивительно красивая пара, хотя...

Хозяйку звали Айгуль. Она позвала слугу и велела ему растопить баню. Печальный вид Архипа и его дурно пахнущая грязная одежда, видимо, произвели на неё удручающее впечатление.

Пока Ильфат исполнял её распоряжение, Айгуль как ни в чём не бывало продолжила беседу.

– Меня зовите Амина, – назвалась она вымышленным именем. – А о вас я знаю всё. Даже больше того, чего вы хотели бы мне рассказать. А потому предлагаю вам жить в моём доме ровно столько, сколько пожелаете сами. Ни в чём нужды испытывать вы не будете.

Архипа и Анию поселили в разных комнатах. Никто не ограничивал их свободы, и они могли вести себя так, как им заблагорассудится. Трапезничали всегда вместе и в это время вели разговоры с прекрасной хозяйкой на любые темы.

Айгуль была умна и могла разговаривать почти на любую тему. Она гордилась тем, что ей чужда дворянская спесь – и, следовало бы добавить, женская деликатность. Архип находил красоту хозяйки дома особенной. Её пышные чёрные волосы были уложены в греческую причёску, полностью открывавшую лоб и щёки. Лоб, хотя довольно низкий, был очень красив благодаря изяществу очертаний. Глаза у неё были большие и сверкающие. В них светился ум, пылал огонь страсти, искрилось веселье, но в них не было любви, а только упорство и жажда властвовать. И всё же это были удивительно красивые глаза. Долгий пристальный взгляд из-под длинных безупречных ресниц мог заморозить любого поклонника, хотя и внушал робость. Её нос, рот, зубы, подбородок, шея и грудь были само совершенство.

О своей прежней жизни Айгуль никогда не упоминала, хотя в беседах с Архипом и Аниёй часто роняла таинственные намёки, касавшиеся её замужества и нынешнего одиночества. Она много читала и недурно владела языками. Такова была хозяйка дома красавица Айгуль – Амина, оказавшая приют дочери хана и кузнецу Архипу.

– Я готова, – прозвучал весёлый голос Ании, оторвавший Архипа от размышлений.

– Я тоже, – улыбнулся он девушке, показывая только что сделанную пару лыж.

Архип прикрепил лыжи к валенкам Ании сыромятными ремнями. Прodelал то же самое и со своей парой лыж.

– Ну что, с Господом? – весело крикнул он.

– С Аллахом! – так же весело откликнулась девушка, и они пошагали в лес.

Но они недолго наслаждались приятной прогулкой по зимнему лесу. Не умевшая ходить на лыжах девушка вскоре оступилась и подвернула ногу. Архип подошёл к ней. Склонившись, он подхватил незадачливую лыжницу на руки и, даже не напрягаясь, а только чуть откинув голову, легко и быстро заскользил с крепко прижавшейся к его широкой груди Аниёй.

Раскрасневшееся лицо девушки с полузакрытыми глазами было совсем близко от лица Архипа: он ощущал горячее порывистое её дыхание на своих щеках и шёл быстрым накастистым шагом.

Показавшаяся ему вначале лёгкой и хрупкой, Ания заметно отяжелела, как только лыжня потянулась на возвышенность. Дыхание Архипа участилось, но он шёл, не останавливаясь, не снижая скорости. «Помру, но донесу!» – упрямо думал он.

– Архип, хватит! – чуть слышно сказала Ания. – Мне уже хорошо, и нога не болит. Я даже и думать не могла, что ты такой сильный. Ну? Поставь меня. Я пойду сама!

Он осторожно поставил девушку на набитую лыжню. Губы их слились в долгом, горячем поцелуе.

– Ания! Ания! – повторил Архип с всё возрастающим волнением. Кроме имени любимой, он не находил больше ни одного слова, чтобы выразить охватившее его чувство счастья.

– Ты меня правда любишь? – спросила девушка, прижимаясь к его груди.

– Ты ещё спрашиваешь об этом! – воскликнул Архип. – Я люблю тебя с той минуты, когда увидел впервые в подвале Чертовки. Но ты... Неужто это возможно?

– А разве можно в этом усомниться? – укоризненно сказала Ания, счастливо улыбаясь. – Как можно было мне тебя не полюбить?

– Знаешь, а я ведь полюбил добрую бедную служаночку, а не дочь хана ордынского, – вздохнул Архип, покачав головой. – А теперь я вижу, как далёк по происхождению от тебя. И едва ли твой батюшка дозволит быть нам вместе.

– Не дозволит, если найдёт меня! – со стыдливой насмешкой произнесла девушка. – Я никогда не вернусь туда, откуда пришла. Ведь я и днём и ночью только и думала о тебе. О тебе, несчастном узнике, бедном казаке. Я всегда считала казаков огнедышащими чудовищами, только и подстерегающими мирных несчастных людей.

– А я и сейчас боюсь до тебя дотрагиваться, прознав, что ты не моего поля ягодка! – сказал Архип.

– И тебя смущает это?

– Ещё как.

– Теперь пойдём, но только поддерживай меня.

Прихрамывающую, крепко опирающуюся на его плечо девушку Архип повёл к выходу из леса.

Двигались медленно. Ания словно не спешила побыстрее оказаться в тепле.

– Не могу больше, устала! Посидим немножечко, Архип? – И девушка, не снимая лыж, как на табурет, села на пенёк, сложив на коленях руки.

Казак присел напротив на ствол поваленного дерева. Над лесом сгушались сумерки. От румяного разгорячённого лица Ании клубился пар, инеем оседая на ресницах, на прядях чёрных волос, на бровях. В лисьем полушубке и в лисьей шапке она походила на красивого юношу.

– Я хочу на всю жизнь остаться с тобой, Архип! – сказала она. – И сделаю всё, чтобы так и было!

– Это великая жертва! – рассмеялся Архип, но сразу же стал серьёзным. – Всё это так невыразимо благостно, так чудесно, что я едва осмеливаюсь всему этому верить. Но ежели Господу было угодно, чтоб мы нашли друг дружку... Разлука с тобою для меня была бы невыносима! Сейчас мы поселились здесь. Но эдак долго не может длиться.

– Давай не будем сейчас думать о плохом! – воскликнула Ания полным невыразимого счастья голосом. – Пока будем довольствоваться тем, что имеем. Согласен, Архипушка?

– Нет, не согласен! – неожиданно возразил он, хмуря брови. – Не можно нам во грехе проживать. Постыдно это. Что скажет твой батюшка! А сродственники?

Ания рукой зажала ему рот.

– Не нарушай радости этого счастливого часа, Архип! – сказала она укоризненно. – Отец, конечно, начнёт меня разыскивать, но его поиски не могут длиться вечно!

И, гордо подняв голову, она прибавила:

– Я приму христианство и возьму себе другое, православное, имя! А твоя любовь даст мне силы сменить жизнь в роскоши на жизнь простой казачки. С этой минуты я твоя невеста, согласен, Архип?

Против этого Архипу нечего было возразить. Он лишь подался вперёд и поцеловал Анию в её красивые манящие к себе губы.

* * *

В то время, пока Архип и Ания забавлялись прогулкой по зимнему лесу, Амина прохаживалась промеж торговых рядов на ярмарке Менового двора. Она внимательно разглядывала товар и делала кое-какие покупки.

Непутёвый сын покойного Ермака Садык уже давно не давал о себе знать. И Амина считала его без вести пропавшим. Она от всей души надеялась, что Садык где-то сгинул в чужих краях, и потихонечку страх перед ним оставил её. Она давно уже собиралась переехать в Оренбург, но, сама не зная почему, откладывала переезд на более позднее время.

Своё желание съездить в Оренбург на ярмарку она ни с кем не обсуждала. Просто ей захотелось развеяться. В город она выехала ещё ночью. А утром она уже прогуливалась по ярмарке, наслаждаясь лицезрением людей, снующих, как муравьи, повсюду.

Огромная площадь с одной стороны граничила с изгородью сада, а с другой – с огромной огороженной площадкой, на которой высились множество ометов сена. Вдоль изгороди дикорастущего укутанного снегом сада стояли привязанные коровы и верблюды, лошади, овцы и козы. Разноплеменной торговый люд волнами переливался по площади, бурлил и кипел, как в котле.

Много раз Амина проходила мимо скуластых кайсаков, зимой и летом одетых в меховые шубы и малахай, стоявших у рядов с вонючими овечьими, конскими, воловьими шкурами, ароматным сеном, привезённым из степи, мимо весёлых бородатых казаков, слонявшихся толпами между рядов и больше потешаясь над угрюмыми азиатами, чем что-то покупая. Их жёны, голосистые и крикливые казачки, с шутками да прибаутками зазывали покупателей к своим рядам, предлагая на выбор мёд в бадьях, топлёное масло, сметану, творог и много всякого разного, на чём только глаз покупателя остановится хоть на мгновение.

Тут же суетились пронырливо-бойкие торгаши-татары. В засаленных бешметах они скупали и перепродавали всё, что только можно купить, – от собольих шкур до рванья, годного лишь для переработки на бумагу.

Чего только не слушаешься, на что немотришься на оренбургском базаре!

Вот толпа цыган с неподдельным азартом на все лады нахваливает лошадь, пытаясь втолковать хохочущему казаку, что продаваемая ими тощая кляча на самом деле игривый, сытый конёк!

Вот мужик продаёт корову, рядом с ним ещё один пытается распродать десяток крикливых гусей.

В посудном ряду торговка в коротком полушубке подкидывает на руках горшки и кричит, зазывает покупателей.

Рядом с ней бондари, пропахшие скипидаром. Перед ними кадучки, сделанные из листовенницы. Схваченные железными обручами бадьи, что прослужат сто лет, как бондари заверяют.

На ярмарку зашёл караван. Тяжело навьюченные верблюды шли медленным шагом. Животные остановились. Люди, разминая затёкшие ноги, сошли с сёдел и тут же приступили к разгрузке привезённого товара.

Купив несколько беличьих шкур и пару норковых, Амина остановилась у большой, подвешенной на шест шкуре бобра и погладила мех рукой.

– Бери, бери, красавица, – тут же подоспел торговец. – Недорого возьму.

– И сколько же она стоит?

– Десять рублей, – заулыбался торговец.

– Дорого, – поморщилась Амина и отвернулась, собираясь перейти к другому ряду.

– Постой, да разве это деньги для тебя? – прозвучал откуда-то сбоку до боли знакомый голос.

– Не может быть! – прошептала Амина и, обернувшись, увидела Садыка, улыбка которого была до ушей, а глаза восторженно сияли.

* * *

В это утро Нага чувствовал себя неважно. Голова трещала, во рту было сухо, а внутренности выворачивало наружу. Организм срочно требовал опий, но его как раз и не было, как, впрочем, и денег.

На базаре Нага быстро смешался с пёстрой многоязыкой толпой оренбургских бездельников, гуляк, продавцов, покупателей, ростовщиков, разносчиков.

Чтобы не привлекать к себе внимания, шёл неторопливо, как и все здесь. Нага искал цыгана Вайду.

Он подошёл к пятачку, где толкались цыгане, эти вольнолюбивые, удалые, азартно крикливые, ловкие и весёлые короли торга. Он хорошо знал цыган и без затруднений различал, кто из них есть кто.

Вот богачи. Они кучкуются у запряжённых в шикарные кибитки троек. А вот и беднота, промышляющая коновальством, лужением медной посуды. Они толпятся чуть в стороне. И тут

же идёт торг. Оглушительное хлопанье бичей, звонкие удары ладоней о ладони торгующихся до седьмого пота, кричащих, словно бранящихся, чубатых белозубых мастеров купли и продажи лошадей.

Нага поманил к себе одного из цыган:

– Вайду не видел?

– Сегодня нет, – ответил тот. – Он с вечера на Гостиный двор собирался. Дело там какое-то у него.

– Жаль, – прошептал Нага, чувствуя, как тошнота снова подступает к горлу.

– Чего жаль? – не поняв, переспросил цыган.

– Мне нужен опий, – болезненно поморщившись, сказал Нага. – Найди мне его.

Цыган посмотрел на его бледное заросшее щетиной лицо:

– Это не по мне. Ищи эту отраву у кого-нибудь другого.

Он развернулся, чтобы уйти, но был остановлен окриком Наги:

– Найди мне опий, я заплачу.

– Ты хочешь сказать, что у тебя деньги есть? – саркастически ухмыльнулся цыган.

– Денег нет, но есть вот что.

Нага извлёк из кармана массивный золотой перстень с крупным изумрудом и показал его цыгану.

– Ему цены нет, – сказал он. – Но я отдам его тебе за пятьдесят рублей.

Глаза цыгана алчно сверкнули, и он протянул руку:

– Дай, я покажу его кое-кому.

– Веди меня к нему, – зная цыган, возразил Нага. – Или давай деньги и неси его кому хочешь.

– Жди меня здесь.

Цыган мгновенно исчез, словно растворился в воздухе. Спустя четверть часа он вернулся с мужчиной невысокого роста, но представительного вида.

– Это ты ищешь Вайду? – спросил тот, посасывая дымок из зажатой в зубах трубки.

– Я. А что? – ответил Нага, на всякий случай нащупывая за поясом рукоять кинжала.

– А для чего он тебе нужен? – поинтересовался старый цыган, стараясь придать тону своего голоса побольше безразличия.

– Это тебя не касается, – огрызнулся Нага. – Я только ему скажу, для чего он мне понадобился.

– Ну хорошо, – согласился цыган. – Тогда покажи мне то, что ты собираешься продать или обменять на опий?

– Нет, только продать, – отрезал Нага и внимательно посмотрел в глаза старика. – Покажи мне пятьдесят целковых, тогда увидишь...

Цыган оглянулся. Он увидел, что все его соплеменники, позабыв о делах, украдкой наблюдают за их разговором. Не сводя строгого взгляда с бледного лица Наги, он опустил правую руку в карман полушубка и извлёк из него кожаный кошель.

– В нём сорок целковых серебром, – сказал он. – Отдаю всё за твой перстень.

– Так ты же его не видел? – удивился Нага.

– Беру не торгуясь, – улыбнулся старый цыган. – Ты денег в кошельке тоже не видел.

– Будь по-твоему, – согласился Нага, нанизал перстень на палец и, сжав кулак, поднёс его к носу старика. – Вот он. Полюбуйся.

Цыган довольно улыбнулся, развязал кошель и высыпал на свою ладонь монеты.

– Читать будешь? – спросил он.

– Ссыпай обратно, – кивнул Нага.

Старик на его глазах ссыпал обратно в кошель серебро и протянул его Наге:

– Держи. Всё по-честному.

Стянув с пальца перстень, Нага передал его цыгану, а полученный взамен кошель поспешно засунул за пазуху.

– Опи́й ты можешь найти в караван-сараяе, – уходя, посоветовал старый цыган. – Там ты можешь поесть и заночевать, если захочешь.

Он ушёл, а Нага... Сожалея о перстне, который пришлось продать грязному цыгану фактически за бесценок, уныло побрёл в сторону караван-сарая, мечтая лишь об одном – побыстрее купить порцию опи́я и сполна насладиться его дурманом.

Проходя мимо рядов, где восточные купцы бойко торговали пушниной, он едва не прошёл мимо богато одетой женщины, рассматривавшей шкуру бабра. Он не обратил на неё внимания и хотел пройти дальше, но когда женщина заговорила с продавцом, её голос заставил его остановиться и обернуться.

Несмотря на недомогание, Нага едва не закричал от радости. Спина́й к нему стояла так долго разыскиваемая им Амина, которой его спятивший отец оставил всё своё огромное состояние. Нага сначала подумал, что он грезит после длительного злоупотребления опи́ем. Но видение не исчезало. У прилавка стояла Амина, которую он долго и безуспешно разыскивал. Услышав, как она сказала «дорого» и собралась отойти от прилавка, он поспешил к ней навстречу и с издёвкой воскликнул:

– Постой, да разве это деньги для тебя?

Ему приятно было видеть, как изменилась в лице и едва устояла на подкосившихся ногах неуловимая Амина. Он даже услышал, как она одними губами в ужасе прошептала: «Не может быть!»

– Ещё как может, – засмеялся он. – Если бы ты только знала, как я рад тебя видеть!

И вдруг возле, казалось бы, павшей духом Амины выросли два крепких мужичка. Их правые руки многообещающе держались за рукояти пока ещё находящихся в ножнах сабель.

– Вас избавить от этого бродяги, госпожа? – спросил один из них, прожигая Нагу враждебным взглядом.

– Нет, немедленно уезжаем, – прошептала она в ужасе и поспешила к выходу, опираясь на руки поддерживавших её слуг.

– Давай беги, мышка, – злобно прошептал ей вслед Нага. – Теперь уж я найду тебя, не сомневайся.

Как только Айгуль скрылась из виду, Нага осмотрелся. Он увидел наблюдавшего за ним издали всё того же шустрого цыгана и взмахом руки позвал его. Тот не заставил себя долго ждать и спустя минуту уже стоял с ним рядом.

– Женщину, с которой я только что разговаривал, видел? – спросил Нага.

– Таковую не увидеть трудно, – ответил тот, для убедительности кивнув.

– Ты видел, сколько старик дал мне за кольцо денег?

– Сорок рублей.

– Прямо сейчас поезжай за этой девкой, – сказал Нага. – Проследи, куда она едет, а завтра всё расскажешь мне.

– Сколько мне за это заплатишь? – оживился цыган.

– Половину того, что находится в кошельке.

– Я согласен!

– Тогда беги за конём и не упусти её, понял?

– Да. Но где я найду тебя, господин?

– В караван-сараяе. Я буду ждать тебя до завтрашнего полудня!

Глава 4

Святками на Руси называли две недели зимних праздников от Рождества до Крещения; эти дни, казалось бы, светлые праздники, народ считал «погаными» и «нечистыми», их вечера – «страшными», а недели – «кривыми».

По поверьям, Святки, а особенно вторая их половина – время разгула нечистой силы. Бесы и нечисть всех рангов пользуются самыми долгими в году ночами. Черти выходят из болот, ведьмы летают на метле, хулиганят домовые и банные. Разумеется, церковь осуждала все эти поверья и объявляла их пережитками язычества, поклонением «скотьему идолу» – славянскому богу Велесу. Но даже если бесы не показывались – их с успехом заменяли сами казаки и крестьяне, переодеваясь в ряженных и пугая друг друга.

Работать в Святки категорически запрещалось. Считалось, что это такой грех, за который обязательно будет наказание свыше – град, неурожай, болезни. В частности, прядение оборачивалось нападением на скот волков, рубка дров – градом в летние месяцы. И потому во многих избах топор и гребень даже выносили на улицу от греха подальше.

У казаков издревле считалось, что святочные дни опасны для людей. По преданию, в это время нечистая сила не только выползает из тёмных потаённых мест, но и повсеместно начинает запугивать народ: мертвецы, привидения, лешие, злые духи так и снуют по тёмным улицам, подстерегая очередную жертву. Зато в Святки человек мог не только узнать своё будущее, но и повлиять на него.

В Рождественский сочельник дети обходили дома и славили хозяев. Каждая семья ожидала колядовщиков, готовила для них угощение и с неподдельным удовольствием выслушивала колядки.

Если в доме желали, чтобы плодились свиньи, на Святки глава семьи должен был встать на четвереньки, залезть под стол и там похрюкать. Чтобы было много кур и яиц, женщины отправлялись в курятник, садились под насест и кудахтали. А ещё казачки разбрасывали горох со словами: «Сколько горошин, столько и овец!» В это время всей семье следовало собраться вместе, чтобы в течение года ни с кем не случилось ничего плохого. Приводили в порядок вещи: одежда, инструменты – всё собиралось воедино.

Святки – это время, когда старый год (а с ним и старый мир) уходит навсегда, а новый только вступает в свои права. В обычные дни человек не может узнать своё будущее, ведь для этого необходимо попасть за грань реальности, где вершатся судьбы. В Святки границы между двумя мирами исчезают, и человек беспрепятственно может увидеть грядущее и даже попытаться переиграть судьбу.

В Святки главным было то, что появлялась возможность узнать своё будущее через гадания, излюбленными темами которых были любовь (гадание на суженого-ряженого) и смерть (кому умереть в новом году).

– Как гадать нынче будем? – спросила Марья у сестры.

– Ой, я даже и не знаю, – нехотя отозвалась Авдотья. – Грех ведь это.

– Ничего, в Крещение зараз все грехи смоем в проруби, – настаивала младшая сестра. – Все, почитай, гадают кругом, а мы что?

– Не очень хочется, – вздохнула Авдотья. – У меня и так всё наперекосяк идёт, а тут ещё грех на душу брать придётся.

– Ну уж нет! – решительно возразила Марья. – Ты мне давеча обещанье дала. Так вот и исполняй его!

– Ладно, хорошо, – сдалась Авдотья. – Только с зеркалом гадать боюсь я. Лучше уж в бане.

– Ничего, – отрезала Марья. – Мы и так и эдак опробуем. Ты только не пужайся, ежели что, и всё хорошо будет.

– А ещё слыхала я, что на телячьей шкуре гадают, – сказала Авдотья. – Я бы на такое никогда не решилась.

– Я тоже об этом слыхала, – загорелась Марья. – Вот только у нас так не делали. Всё зеркало да баня. А может, попробуем на шкуре, Авдотья?

– Нет, ни за что, – отказалась та. – Аж мороз по коже берёт, когда только подумаю об этом.

– Ты хоть обскажи, что и как? – захныкала, придуриваясь, Марья. – А я послушаю, и...

– Мне ещё Лука об том рассказывал, – начала Авдотья и при упоминании имени погибшего жениха троекратно перекрестилась на образа. – В Илеке али Бёрдах сеёстряслось, там его сродственники проживают. Так вот, собрались девки в полночь, взяли телячью шкуру, на которую сесть можно, пошли на перекрёсток дорог и тама «зачертились».

– Ух ты! – восторженно воскликнула Марья. – А что энтэ – «зачертились»?

– Круг очертили вокруг шкуры слева направо, – продолжила Авдотья. – А при «зачерчивании» сказали слова кощунственные: «Бог – за круг, а черти – вокруг». Так вот гадая, отреклись от Господа и вызвали нечистую силу себе в подмогу.

– И что? – выдохнула заинтригованная сестра.

– Сели они на шкуру ту телячью, падать начали, а их вверх подняло и понесло над городком.

– Вот это да! – выкрикнула Марья. – А на что на шкуре гадают? На жениха али на смерть?

– Лука ещё сказывал, что девки должны были услышать что-то, на шкуре сидя, – спокойно ответила Авдотья.

– А что, не знаешь?

– Стук топора кто услышит – это к смерти. Звон колокольца али бубенца – к замужеству. А ещё Лука сказывал, что в какой сторонушке зазвенит, туда и замуж позовут!

– А я слыхала, что ежели пощёчину на перекрёстке снежную мазнут, к потере чести девичьей, – прошептала свою версию Марья. – Завсегда опосля гадания нужно домой вертаться не оглядываясь...

* * *

Мариула накрывала на стол. В сенях закипал самовар, а на стол она выставляла глиняные миски с мёдом, вареньем и подносы с выпечкой. Мариула знала, что в Святки получают временную свободу души умерших, и они рвутся в родные места, заходят в гости до самого Крещения. Специально для умерших в эти дни готовили поминальную пищу – жгли костры у ворот, полагая, что усопшие родственники будут обогреваться. Многим и вправду удавалось увидеть сидящего за одним столом с живым того члена семьи, кто умер последним. Правда, только в первый миг, если заглянуть в избу из сеней через дверную щель.

Мариула ждала гостей, но не мёртвых, как на Рождество, а живых, озорных парней и девок, которые в святочные ночи будоражили весь городок. Озорники никогда не обходили её дом стороной.

Если покойник сам не приходил в гости – парни и девушки начинали в него играть. Один из парней наряжался во всё белое, ему натирали лицо овсяной мукой, вставляли в рот длинные «зубы» из моркови и клали в гроб. Такого «умруна» носили по избам городка в сопровождении ряженных в попа, дьячка и плакальщиц. При этом кадило заменял глиняный горшок с дымившимися углями, сухим мхом и куриным помётом. Гроб с «покойником» ставили посреди избы и начинали «отпевать» его, используя отборную брань. А по окончании всех присутствующих девок заставляли «прощаться с покойником» и целовать его в открытый рот, набитый морковными зубами. Иногда «покойника» сопровождали «родственники» с туго свитыми жгутами в

руках. Ими они нещадно, порой до синяков, били приезжих парней и девиц из соседних поселений. А потом на импровизированных «поминках» парень, наряженный девкой, оделял всех девиц из своей корзины «шаньгами» – кусками мёрзлого конского помета.

Вот таких озорных гостей поджидала Мариула. На прошлогодних Святках они внесли в её дом «покойника», обёрнутого в саван, которого ещё до прихода к ней носили по избам и спрашивали у хозяев:

– Вот мёртвого нашли – не ваш ли прадедка?

К подобным «забавам» молодых большая часть стариков относилась с осуждением, словно позабыв, как озоровали сами в молодые годы. А Мариула радовалась приходу ряженных гостей, с пониманием относилась к их порой похабным шуткам и, не накормив, не напоив, из избы не выпускала. Накрывая стол, Мариула гадала, с какой же шуткой они заявятся нынче в ее дом?..

* * *

Приближалась полночь. Григорий Мاستрюков протёр глаза, приподнялся в кровати и стал осторожно перелезть через спящую жену.

– Ты куда? – недовольно проворчала, проснувшись, Софья.

– Дык... живот что-то прихватило, – зашептал, оправдываясь, казак. – Я сейчас, до ветру зараз сбегая и в обрат.

– Сроду поспать не даст, паскудник, – недовольно буркнула супруга, отодвигаясь к стене. – Ежели разбудишь, когда явишься, я об твою башку коромысло выпрямлю.

Быстренько собравшись, Григорий вышел на крыльцо. Глубоко вздохнув, он скользнул взглядом по усыпанному звёздами ясному небу и зябко поёжился. Зима. Снег пышной периной лежал на земле, на крыше избы и на других дворовых постройках. Белая бахрома повисла на ветвях деревьев. Резко подул холодный ветер. Мороз начал щипать уши казака.

Григорий спрыгнул с крыльца и поспешил к протопленной ещё с вечера бане.

Плотно прикрыв за собой дверь, он забился в угол и притих, ожидая наступления полночи.

Баня в казачьих городках и станицах считалась одним из самых страшных и нечистых мест, поскольку там не было икон. Во время Святков в полночь нужно было вбежать в баню, выхватить уголёк, посмотреть, какой он, и по нему определить будущую семейную жизнь. Шершавый – будет богатый жених, гладкий – значит, бедный. А кто последний выйдет из бани – тому в этом году умереть.

Четыре подружки вбежали в полночь в баню и стали толкаться в предбаннике, поскольку всем хотелось поскорее выхватить заветный уголёк из печи и выскочить наружу.

Проворнее всех оказалась Марья Комлева. Открыв печь, она схватила горсть угольков и выбежала наружу. Её подружки сделали то же самое. А когда они разжали ладошки, чтобы разглядеть угольки, то увидели, что они совсем не горячие, а рассыпались в золу. Вздох разочарования вырвался из девичьих уст, и только тут они заметили, что не хватает их подруги – Глаши Вороньжевой.

– Где Глашка-то? – ужаснулась Марья, глядя на подруг.

– Не знаю, – пожалала плечами Варя Горюнова.

– И я не знаю, – сказала Стеша Ерёмкина, с опаской покосившись на банную дверь.

– В бане она осталась, – едва дыша, прошептала Марья. – О, Господи, что она там делает?

– А может, банный дух её унёс? – предположила едва живая от страха Стеша.

– Всё, теперь она помрёт в нынешнем году, – залилась слезами перепуганная насмерть Варя. – Ведь, почитай, последней в бане-то осталась.

– Типун тебе на язык, дурёха! – прикрикнула на подругу успевшая набраться храбрости Марья. – А ну айдайте все в баню. Поди горячий уголёк ищет в печи, курица...

Держась за руки и подбадривая друг друга, девушки вернулись обратно в баню. Они нащупали лежавшую на полу, растрёпанную Глашу, та была без сознания. Сообща они вывели её на улицу и привели в чувство, растерев лицо снегом.

– Где я? – пролепетала несчастная девушка, с трудом держась на ногах.

– С нами ты, не пужайся, – обняла её Марья. – Ты чего в бане-то растянулась?

– Ой, сама не знаю, – содрогнувшись, разревелась Глаша. – Когда я угольки в печи рукой ухватила, а меня банный за плечи-то и схватил.

– Бреешь? – испуганно спросила Варя.

– Вот тебе крест истинный, – горько плача, закрестилась Глаша. – Когда он меня за плечи-то ухватил, мне как огнём всю головушку обдало.

– Ой, айдайте отсюда, – запричитала перепуганная Стеша.

– Да будя вам, – прикрикнула на подруг самую храбрую из всех Марья. – Об косяк дверной али об котёл горячий дурёха плечом задела, а сама бог весть на что подумала. Уже скоро Святки кончатся, а мы и не погадали вдоволь.

– А ты что ещё удумала? – забеспокоились подруги.

– Вот тебе раз? – нахмурилась Марья. – А задницы в баню сувать? Аль запомнили уговор наш?

– Ой, я ни в жисть, – отрезала решительно Глаша. – С меня и этой страсти довольно. Поджилки и сейчас трясутся, аж мочушки совладать нету.

– А вы? – Марья требовательно посмотрела на остальных подруг.

– Ежели опосля тебя, то согласная буду, – не слишком-то уверенно согласилась Варя Горюнова.

– А я опосля вас обеих, – с трудом согласилась Стеша Ерёмкина.

– Так и быть, гусыни, – вздохнула Марья. – Айдайте за мной. Я первой буду!

Сидя в углу за печью, Григорий Матрюков выжидал. Он слышал переговоры девушек в предбаннике и сгорал от нетерпения подшутить над ними. Вскоре они поочерёдно начали входить в баню, брать из печи золу и выбегать с нею на улицу. Григорий знал, что с гаданием на угольках у девушек ничего не выйдет. Он специально истопил баню с таким расчётом, чтобы к полуночи угас последний уголёк в печи. Казак с нетерпением дожидался, когда девки начнут совать голые задницы из предбанника в баню, чтобы...

– Где ж ты, уголёк, Господи, – прошептала рывшаяся в золе Глаша Вороньжева, зашедшая в баню после того, как её подруги уже выскочили на улицу, зачерпнув ладошками по пригоршне остывавшей золы.

«Ищи-свищи», – с усмешкой подумал Матрюков. Руки его потянулись, чтобы коснуться головы девушки, но он сдержал себя, заставив слушать, что она ещё проболтает в своём суеверном опьянении, глупая, как все её сверстницы.

Роясь в печи, Глаша ничего не замечала. А казак... Он уже не мог больше себя сдерживать от клокодавшего внутри желания напугать её до смерти! Подавшись вперёд, он положил руки на плечи Глаши и, едва сдерживая рвущийся наружу хохот, сказал:

– Ты ищи лучше, дева. Там где-то один ещё в самый раз для тебя и заваялся!

Девушка не завизжала и не бросилась вон из бани, как ожидал казак. Глаша только охнула и свалилась без чувств на пол прямо у печи, раскинув в стороны беспомощно руки.

– Ну и дела, – прошептал озадаченно Матрюков, забившись в угол, и подумал: «А вдруг померла со страху сердешная?»

Буря радости в душе вдруг улеглась, а в голову полезли путанные мысли. Григорий уже корил себя за несдержанность и пытался сообразить, что делать. Первая мысль была поспешить

на помощь к несчастной и попытаться выяснить – жива ли она ещё или... Он даже боялся подумать, что может последовать за этим страшным «или». Страшные последствия, вызванные его невинной шуткой, вовсе не входили в планы казака.

В баню ворвались подруги девушки. Они быстро подняли Глашу с пола и выволокли на улицу. Паникующий казак прислушался и едва не закричал от радости, услышав, что подругам удалось привести Глашу в чувство.

– Спасибочки тебе, Господи, – прошептал, успокаиваясь, Григорий, внутренне желая вернуться поскорее домой и улечься под бочок к своей разлюбленной Софьюшке.

Но, к его глубочайшему изумлению, девушки вовсе не собирались уходить от его бани. Напротив, они вдруг возжелали продолжить гадание, но уже другим, давно уже ожидаемым им способом. Не прошло и минуты, как подруги снова вошли в предбанник и распахнули дверь бани.

– Начался, – прошептал под нос Матрюков, у которого внутри всё заклокотало от немыслимого возбуждения, а от страха ровным счётом ничего уже не осталось.

Вынырнув из своего укрытия, казак подался вперёд. Вытянув вперёд правую руку, на которую заранее натянул вязанную из пуха рукавицу, Матрюков замер, пытаясь угадать, кто же из девиц первой просунет в дверной проём свою оголённую попку.

– Суженый-ряженный, погладь меня! – прозвучал пугливый девичий голос, и задержавший дыхание казак понял, что первой заголилась Марья Комлева.

Пошарив рукой, он коснулся наконец упругих ягодиц девушки и едва не замурлыкал от прилива ни с чем не сравнимого наслаждения.

– Ой! – воскликнула девушка и пулей выпрыгнула в предбанник.

– Ну, что там? – зашипели её подруги.

– Господи, да я и сама об том не ведаю, – зашептала возбуждённо Марья. – Ежели не померещилось, то кто-то провёл по заднице мохнатой лапой!

– А не брешешь? – усомнились девчата.

– Вот теперь сами попробуйте, – недовольно огрызнулась девушка. – Ваш черёд, вот и убедитесь.

Пока девушки спорили, ликующий казак стянул с руки мягкую рукавицу и приготовился встретить следующую попку гадальщицы голой ладонью. Долго ждать не пришлось. Тихо скрипнула створка, и взволнованный девичий голосок проговорил:

– Суженый-ряженный, погладь меня!

«Варька Горюнова!» – подумал восхищённо Матрюков и провёл по ягодицам девушки ладонью.

– Ой, Господи! – воскликнула потрясённая Варька и, видимо рванувшись вперёд, что-то зацепила ногой в предбаннике.

– Ты чего? – полным упрёка голосом спросила её Марья. – Сейчас разнесёшь всю баньку по брёвнышкам. А у нас ещё Стешка не гадала!

– Меня тоже по заднице погладили, – зашептала Варька, – только вот... Ладонью голой, а не пуховой, как тебя.

– Знать, жених твой бедняк-голодранец будет, – позлорадствовала Марья. – Давай теперь ты заголяйся, – обратилась она к третьей девушке, которая стояла молча.

– Ох, боюсь я, – робко ответила та.

«Стешка Ерёмкина, – улыбнулся Матрюков. – Ну, суй сюды задницу, Стеша. Сейчас я удивлю тебя маленько!»

– Чего пужаешься? – надавила на подругу Марья. – Видишь, мы с Варькой живёхенькие, и ничего.

– Давай, давай, – поддержала Комлеву Варвара. – Что, не хочешь знать, с кем жить доведётся?

Скрип двери подсказал разомлевшему казаку, что подруги убедили Стешку на гадание, и она просунула в баню свою попку.

– Суженый-ряженный, погладь меня! – прошептала девушка, но казак её расслышал.

«Вот и тебе женишок зараз, Стеша! – ухмыльнулся он и слегка шлёпнул её по ягодцам. – Пущай тебе забияка достанется!»

– Ой! – воскликнула перепуганная Стеша. – А он шлёпнул меня.

– Знать, смертным боем тебя лупить муженёк будет! – со знанием дела пояснила Варвара. – Мне о том маменька ещё сказывала.

– Я тожа хочу! – вдруг прозвучал в предбаннике голосок Глаши.

– А что, давай! – радостно поддержали её подруги. – А то опосля жалеть о том будешь.

Скрипнула дверь, и Матрюков понял, что пришла пора.

– Суженый-ряженный, погладь меня! – едва ворочая языком, прошептала Глаша.

Казак уже натянул на руку варежку, решив «осчастливить» её «богатым суженым», чтобы заглядить свою вину перед ней. Но в последний момент передумал. Озорная мысль пришла в голову, и Матрюков быстро стянул варежку с руки.

Зачерпнув из котла пригоршню воды, он выплеснул её в то место, в котором, по его расчётам, должна была находиться попка девушки. И по возгласу той он понял, что выплеснутая наугад вода достигла цели.

– Господи, а он водой горячей плещется! – прозвучал в предбаннике полный ужаса голос Глаши. – Это что ж, мой суженый горьким пьяницей будет?

В ответ послышалось хихиканье, после чего голос Варвары сообщил:

– Как-то сомнительно всё это. Сколько слыхала про гаданья эдакие, но никто не сказывал, что взаправду это всё чувствовал.

– А давайте-ка баньку-то оглядим, – вдруг предложила отчаянная Марья. – Ежели никого не сыщем, знать, взаправду гаданья наши!

– А ежели кого сыщем? – испуганно воскликнула Глаша.

– Тогда заголим его зад и в котёл эдак посадим, – не слишком-то весело «пошутила» Варька, но, судя по хихиканью девушек, казак понял, что подруги согласны с нею.

Дверь из предбанника в баню резко распахнулась, Матрюков замер, соображая, что делать, и в этот миг двор огласился истошным криком благоверной супруги Софьюшки:

– Гришка! Где тебя черти носят, раздолбай треклятый?

Девушки, визжа и хохоча, одновременно выпорхнули из бани на улицу и, утопая по колени в снегу, бросились бежать со двора Матрюковых. А уставшая, видимо, дожидаться мужа Софья, стоя на крыльце, ещё громче завопила:

– Ты что там, к куче говна примёрз, идол окаянный? Али вожжи проглотил, а теперь...

«Фу ты чёрт, пронесло», – радостно подумал казак, выходя из бани, а для жены крикнул:

– Уже иду я, Софушка! Кто ж подумать-то мог, что эдак вот прищипчит зараз?..

* * *

Авдотья не пошла с сестрой и её подругами гадать на суженого в баню Матрюковых. Вместо банных чудачеств она решила сходить к Мариуле и погадать на суженого по зеркалу. Одна она боялась даже взглянуть в сторону зеркала, а вот под присмотром ведуньи...

Гадание с зеркалом считалось самым опасным. Суженый-ряженный должен был появиться сверху: сначала голова, затем лицо, потом плечи и пояс. Но ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы он отразился в полный рост – мог утащить гадающую в потусторонний мир. Нужно было вовремя повернуть стекло зеркальной поверхностью вниз, положить на стол и сказать: «Чур меня!»...

Мариула придирчивым взглядом осмотрела накрытый стол, и тут за окном послышались чьи-то шаги. Она выглянула: «Авдотья... Чего это она вдруг пришла? Да ещё одна? – подумала Мариула. – Чего это она не идёт, а словно крадётся неуверенно?»

Открылась дверь, и Авдотья появилась в проёме.

– Что-нибудь стряслось, голуба моя? – спросила Мариула.

– Нет.

Авдотья попробовала улыбнуться, но у неё это не получилось.

– Ну чего застряла в дверях-то? Проходи, коли пришла!

– Я так, – начала Авдотья, топчась на месте, и как-то страдальчески взглянула на Мариулу. Её лицо вдруг вспыхнуло. – Погадать вотя пришла.

– Что ж, добро пожаловать, – улыбнулась приветливо Мариула.

Девушка молчала. То ли ждала чего-то, то ли, стиснув зубы, зажала в себе все слова, с которыми шла сюда.

– Погадать на зеркале у себя дозволишь? – спросила она наконец, вынув из кармана полубка завёрнутое в платочек зеркальце.

– Айда-ка, проходи.

Мариула помогла девушке раздеться и завела её за печь, где в углу ютился столик с кухонной утварью. Освободив его, Мариула усадила девушку на табурет, а перед ней поставила большое, в красивой деревянной оправе зеркало. Перед зеркалом она поставила зажжённую свечу.

– Ну что? – посмотрела ведунья на Авдотью. – Готова ли?

– Да.

– Тогда снимай с себя крестик нательный и на стол положи.

Авдотья послушно исполнила требование Мариулы.

– Ещё одёжку с себя снимай, косу расплетай.

Девушка исполнила и это требование ведуньи.

– А теперь гляди в зеркало не мигая, – сказала вкрадчивым голосом Мариула. – Да не пужайся, коли что худое углядишь. Я буду рядом.

Сидела Авдотья долго, смотрела – от напряжения даже слёзы из глаз потекли. Девушка ничего не замечала. Перед ней исчезло в зеркале её собственное лицо, а возник другой образ... Как живой, стоял Лука с грустными глазами, волосами, чуть подёрнутыми инеем на висках, с взглядом, угасающим с каждым мгновением.

– Ах, не гляди эдак на меня, Лука, – прошептала она, едва дыша от ужаса и нервно трогая свой мягкий подбородок, а ей казалось, что она гладит мертвенно-бледное лицо Луки. – Я же не виновата, что ты покинул меня. Я ж...

Авдотья вскрикнула и едва не свалилась с табурета без памяти. Но её поддержали заботливые руки Мариулы. Ведунья видела в зеркале всё то же, что и гадавшая девушка. Она видела, как дрожащая рука потянулась из зеркала к Авдотье и чуть было не схватила её. У Мариулы холодок пробежал по спине.

И вдруг картинка сменилась. Мариула увидела, как туман сходит со стекла, появляется степь, песчаный берег, быстрая река! Господи, сколько народу кругом! Это войско – лагерь, казаки, солдаты, пушки, кони на обоих берегах. Почему все так суетятся на берегах реки? А вот на чёрном коне показался всадник. В царские одежды выряжен, красные сапоги, а на голове папаха. Лицо заросшее густой чёрной бородой, а глаза злющие-презлющие! Прямо сам Сатана из ада, а не царь людской!

– О Господи, чур меня! – выкрикнула Мариула и, повернув стекло зеркальной поверхностью вниз, положила на стол.

– Что это было? – прошептала приходящая в себя Авдотья, едва шевеля побелевшими губами.

– Плюнь, разотри и забудь, – посоветовала Мариула, помогая ей встать с табурета и выйти из-за печи.

– Но я же видела...

– Забудь, сказала, – прикрикнула Мариула, обнимая Авдотью за дрожащие плечи и подводя к столу. – Всё, что ты увидела сейчас, – злые козни нечистого! Не суженый в зеркале живёт, дева, а бесы да Сатана! Только что сама ты в том убедилась!

– Так что ж, век мне одной оставаться? – залилась слезами несчастная Авдотья. – И под венцом не была. А вокруг все надо мною изгаляются, будто моя в том вина?

Мариула уже слышала обо всех невзгодах, свалившихся на голову девушки, и начала с утешений:

– Умер твой жаних Лука. Все мы смертны.

– Навязались на меня напасть за напастью, – запричитала Авдотья, рыдая. – И Лука погиб, и бабы проходу не дают, как будто виновата в чём-то я.

– Ну-у-у, будя реветь то. Господь возвернёт тебе счастье, ежели сама того захотишь. Всё у тебя еще сладится и всё будет хорошо!

– Мариула, – плача шептала Авдотья, – почему Господь любит других больше, чем меня? Почему он забрал Луку от меня? Чем я согрешила перед ним?

Мариула положила свою мягкую ладонь на её горячий лоб и с горечью сказала:

– Все помирают, доченька. У смертушки свои помыслы. Мне тоже жаль, что Лука ушёл из жизни молодым. Его убили, и за него отплатит Господь. И он возьмёт его в рай, ежели он его так любит.

– Нет, он не любит! – возразила Авдотья. – Он же забрал Луку из жизни?

Мариула уложила девушку на постель и заботливо подложила ей под голову мягкую подушку.

– Не болтай что ни попадя, – сказала она. – Господь любит всех детей своих. Даже тех, кто его из сердца своего вышвырнул!

Мариула с любовью смотрела на свою гостью, на её заплаканное лицо, как две капли воды похожее на лицо матери:

– Тебя любит Господь! Помни это. И ждать тебе счастья недолго осталось. Уже скоро явится к тебе жених. Большой, сильный, как медведь, и красивый! А ты покуда не убивайся эдак, не истязай себя понапрасну. Давай лучше подумаем о грядущем...

Ласковые добрые слова ведуньи утешили Авдотью. Она взглянула в грустные, полные сочувствия глаза Мариулы, словно говоря: «Спаси Христос тебя, добрая женщина!»

– У меня таков наказ тебе, – сказала Мариула. – Ступай домой себе и думай только о хорошем! Не хорони себя и счастье своё загодя. Верь, что всё будет у тебя хорошо и Господь не оставит тебя без своего покровительства!

– Знаешь, а я верю тебе, – улыбнулась девушка. – Сердце подсказывает, что всё будет именно так, как ты говоришь!

– Вот и хорошо сеё, касатушка. А сердечко никто обмануть не может! Оно видит само... Видит любого насквозь, издали!

Глава 5

Двое мужчин сидели на мягких подушках в задней комнате караван-сарая.

Нага смотрел в лицо ночного гостя и думал, что явился тот ниоткуда и даже не представился, когда уселся с ним рядом на подушки. Лицо закрыто чёрным платком. Видны только красные веки. Гость не курит чилим, а глотает шарики чёрного зелья – опиума.

– Вот откуда болезнь твоя, – осуждающе прошептал ночной гость, ткнув пальцем на дымящийся чилим Наги. – Брось ты это дело, сынок. Курение опия – чистая беда для тебя, погибель всей души твоей.

– Позаботься лучше о себе, старик, – вялым голосом возразил Нага, – это не беда, а бальзам для скорбящей души.

Ночной гость ничего не сказал в ответ. Он вертел катышек опиума величиной с фасолину, который вынул из нагрудного кармана халата.

– Лучше опий глотать, запивая кумысом. Испытай, сынок.

Нага посмотрел на старика и засмеялся:

– Глотай его сам, если хочешь!

Мужчина пропустил его слова мимо ушей и разделил опиумный шарик на несколько частей.

– Надо знать размеры, – сказал он. – Надо угадать, чтобы были они не больше, чем следует, и не меньше... в самый раз... а то... а то... Большие – они ни к чему, от них никакой пользы, а маленькие не дурманят мозг. А когда проглотишь опий в меру, – старик закатил глаза, – он унесёт тебя прямо в небеса, где парят птицы и медленно плывут мягкие облака.

Нага хотел возразить, но закашлялся, поперхнувшись дымом.

– Вот сам погляди, что с тобой, – усмеялся ночной гость. – Ты кашляешь, как древний старец. А это потому, что ты не глотаешь опий, а куришь его через чилим! И какую пользу это принесло тебе? Вспомни, я кашлял так же, как ты, даже ещё хуже. Я выхаркивал свои лёгкие и умирал от удушья. И, наверное, умер бы, потому что Аллах не дал человеку столько лёгких, чтобы их выхаркивать до конца, если бы... Если бы я не научился глотать опий. И кашель как рукой сняло, и я взглянул на мир по-иному!

– Если употреблять опий, то лучше с помощью чилима, – не сдавался Нага. – И почему я должен помнить, как ты кашлял когда-то давно, если вижу тебя впервые?

– Хорошо, можешь меня не помнить, – согласился гость. – Ты вправе делать, что захочешь.

Он проглотил порцию опия величиной с пшеничное зерно, запил глотком чая, и по его телу разлилось такое блаженство, что Нага, с насмешкой наблюдавший за ним, то ли от зависти, то ли потому, что просто время пришло, потянулся за своим чилимом. Повторилось то, что было вчера и позавчера, каждый вечер. Нага сменил в головке опий и закурил. Затем его стал душить кашель.

На этот раз он кашлял мучительно долго, надрывно и, казалось, совсем выбился из сил. Лицо его побледнело, глаза наполнились слезами. Ночной гость протянул ему пиалу с горячим чаем.

– На-ка выпей вот. Всегда бывает плохо с теми, кто не хочет слушать советов мудрых людей.

Отпив пару глотков чая, Нага откинулся на подушки.

– Я слушаю только те советы, которые нравятся мне, – сказал он тихо. Голос его был так слаб, что старик посочувствовал:

– Тебя совсем изнурил этот кашель, сынок. Когда я был твоим отцом...

Нага вздрогнул и подался вперёд. Он вдруг узнал в ночном госте своего давно умершего отца. Внутри у него всё заклокотало от давно вынашиваемой обиды, и он схватил старика за горло.

– Как тебе удалось вернуться на этот свет? – прохрипел он. – Ты шайтан в обличье человека или...

– Да отцепись ты! – взвизгнул ночной гость и так ухватил Нагу за запястье руки, что кисть мгновенно ослабла, выпустив его горло.

Нага, разгоняя дурман, замотал головой и как только смог внимательно посмотрел на старика.

– Отец, скажи мне, ты ли это? – спросил он, едва ворочая языком.

– Какой я тебе отец! – послышался возмущённый крик. – А ну пошёл вон отсюда, байгуш! А не то я прикажу тебя как следует выпороть кнутом.

Нага с трудом разлепил слипающиеся веки и попытался осмотреться.

– Где я? – спросил он у стоявшего рядом человека.

– В караван-сараяе на Меновом дворе, – ответил тот. – А ну давай плати за всё и уматывай. Или я...

– Заткнись, пёс! – рявкнул на него Нага. – Скажи лучше, сколько я тебе должен, и подай сюда моего коня.

Увидев, что «байгуш» не так-то прост, как выглядел, приказчик пугливо попятился. Но Нага не позволил ему бежать за помощью. Положив руку на рукоять кинжала, торчавшего за поясом, он решительно и бесстрашно смотрел на приказчика.

Сверкнув белыми зубами, Нага спокойно сказал:

– Слышал? Или оглох? Я спросил, сколько тебе должен и где мой конь?

Кинжал за поясом байгуша показался приказчику мечом судьбы, а голос – гласом небесным. Он заторопился, используя маленькую надежду на жизнь, но голос его не слушался. Он высохшим языком пролепетал:

– Господин, ваш конь в конюшне, где вы его и оставили. А мне вы ничего не должны.

– Да будет так! – повеселев, сказал Нага. – А теперь подними руки к небесам, высунь запястья из рукавов. Иди так ко мне. Иди ко мне. Не бойся, не бойся.

Дрожа, еле живой, тихо, словно боясь зашуметь, приказчик подошёл к Наге, не сводя взгляда с его глаз. Нага связал ему руки его же брючным поясом, после чего обшарил его карманы.

– А ты, как я погляжу, парень не промах, – улыбнулся он, вытягивая из кармана приказчика свой кошель с деньгами. – Вначале обокрал меня спящего, а потом ещё требовал плату?

– Да я...

Услышав его голос, Нага выхватил из ножен кинжал и сверкнул им над головой несчастного:

– Ты разозлил меня, ублюдок. Но если ты ещё успел спрятать моего коня...

Приказчик, увидев занесённый над собою кинжал, зажмурился и взвизгнул.

– Если ты ещё пикнешь, курёнок, я перережу твоё горло, – предупредил его Нага и приставил кинжал к горлу, а затем, утрашая, слегка царапнул его.

Приказчика охватил ужас. Его трясло.

– Иди в конюшню, – сказал Нага спокойно. – Иди передо мной и не пытайся улизнуть.

Мужчина от испуга не смог двинуться, пока его не подстегнул укол острия кинжала между лопаток.

– Не зли меня, – проговорил ему в спину Нага, – а то я сразу заколю тебя.

Никем не замеченные, они вышли из караван-сарая, пересекли двор и вошли в конюшню. Поджарые, высокие кони, вытягивая шеи, теснились в ней. Широкогрудые, узкозадые породи-

стые скакуны, они были украшены пёстрыми ковровыми уздечками. Через сёдла у них, вместо перемётных сум перекинута грубая мешки.

Приказчик указал Наге на его коня, который был рассёдлан и привязан в дальнем углу конюшни.

– Ты погляди, какая честь! – усмехнулся тот. – Мою коняжку уже успели бессовестно украсть и надёжно спрятать. Вот только увести куда подальше не успели.

Он развязал руки приказчика и ткнул его в грудь острием кинжала:

– Сделай милость, оседлай его.

Бедняга послушно оседлал коня, подвёл его к Наге и передал ему уздечку.

– Ты прямо на глазах умнеешь, – похвалил тот и улыбнулся. – А теперь дай мне на дорожку опий и можешь восхвалять Всевышнего за продлённую жизнь.

– Но у меня нет опия, – взмолился приказчик. – Опий только у хозяина. Лишь он один им распоряжается!

– Тогда нам больше не о чем разговаривать, – мрачно ухмыльнулся Нага. – Собирайся к Аллаху, друг мой...

Он снова выхватил из ножен кинжал, и жизнь несчастного приказчика зависла на волоске.

– Нет, нет! Пстой, – запричитал тот. – У меня есть немного припрятанного опия!

– Так чего же ты ждёшь? – опустил руку Нага. – Я бы на твоём месте не рисковал собственной жизнью.

Приказчик тут же, не выходя из конюшни, раскопал у стены свой тайник, из которого извлёк целый свёрток дурманящего зелья.

– Вот всё, что у меня есть, – сказал он плаксиво, протягивая свёрток.

– Я верю, что он у тебя не последний, – беря пакет, сказал тот. – А теперь я привяжу тебя на прощание! Это не со зла, а безопасности моей ради. Утром тебя обязательно найдут и развяжут. А я буду уже очень далеко отсюда.

Нага не торопясь привязал приказчика к вольеру, в котором содержался до этого его конь, и удовлетворенно хмыкнул:

– А теперь я с лёгким сердцем расстаюсь с тобой, уважаемый. Можешь считать, что ты еще легко отделался!

Выведя коня из конюшни на улицу, он легко вскочил в седло и пришпорил животное. «Я тоже легко отделался! – подумал он. – А могло быть все гораздо хуже».

* * *

Со стороны степи до слуха Махмуда вдруг донеслись голоса людей и топот копыт. Он вздрогнул и остановился около сарая, заикаясь от волнения, как человек, глотнувший слишком много морозного воздуха. Сердце ёкнуло. Он невольно попятился и, привалившись к стене конюшни, стал прислушиваться. По его подсчёту, к воротам подъехали люди на двух десятках лошадей. Значит, это не Садык вернулся из Оренбурга и не кто-нибудь другой, кто мог приехать поздним вечером в гости. Это, скорее всего, тот, о ком Махмуд боялся даже подумать.

Он быстро вернулся к дому и позвал слуг:

– Принесите мне саблю и пистолеты. Ещё вооружитесь сами и без моего приказа не высовывайтесь.

– Ай, что случилось, господин?

– Быстрее делайте, что говорю.

– О Всевышний!..

Слуги рассыпались по дому, вооружаясь и готовясь к бою.

А те, кто прискакал из степи, уже стучали рукоятками нагаек по железному кольцу на воротах.

Навесив на себя саблю и воткнув за пояс два заряженных пистолета, Махмуд пошёл отпирать ворота и встречать непрошенных гостей.

– Кто там на ночь глядя?

– Открывай!!!

Резкий, громкий окрик испугал Махмуда. Он быстро снял задвижку и отскочил в сторону.

– Пожалуйста, господин.

Ворота раскрылись.

– Кто здесь господин? – усмехнулся важного вида сабарман, лицо которого закрывал черный платок. – Или я к себе домой приехал?

– Конечно, конечно, – залезил под хохот разбойников Махмуд. – Мой дом – твой дом, уважаемый...

– Называй меня Албасты (злой дух), – спрыгивая с коня, бросил главарь. – Под этим именем меня сейчас знают все мои воины!

Заехав во двор, разбойники спрыгнули с коней и заперли ворота.

«А где же тот, кого боюсь я больше смерти?» – тревожно подумал Махмуд, приглядываясь к ним.

– С чем пожаловали? – обратился он к главарю сабарманов. А вот «надолго ли?» спросить не осмелился.

– Веди в дом, – приказал Албасты и с видом хозяина направился к террасе. – Хватит ли у тебя еды, чтобы накормить моих воинов? – спросил он у семяющего рядом Махмуда.

– Да, еды хватит, – угодливо улыбнулся тот. – Сейчас я прикажу слугам готовить ужин.

– Мне очень приятно слышать это, – с насмешкой проронил Албасты.

Почтенный Юрис, отец Махмуда, закутанный в одеяло, вышел на террасу. Он дрожал. Голоса незваных гостей слышались со двора, но он не решался поднять голову. Старый Юрис «одобрительно» потряс своей жиденькой бородкой лишь тогда, когда его сын представил ночного гостя:

– Пожалуйста, проходите на террасу, уважаемый Албасты, сейчас моя жена приготовит чай, а слуги нарежут барашка. Эй, Гульнара, скорей расстилай дастархан. Дорогие гости в нашем доме!

Албасты надавил кулаком на столб террасы, и Махмуду со стороны показалось, что он проверяет, прочно ли стоит этот дом. А другая рука главаря покоилась на рукоятке сабли. Чему так усмехался сейчас этот сабарман, поглядывая то на старого больного Юриса, то на жену Махмуда?

– Чай выпьете без нас, – сказал Албасты и повернулся к Махмуду. – А слугам вели, чтобы зарезали пять баранов, и мы заберём их с собой!

– Пять баранов! – воскликнул старик, даже позабыв от приступа жадности о своём страхе перед сабарманами. – Да это же грабеж!

– Что ты сказал? – Албасты взбежал по лестнице на террасу и, отстранив жену Махмуда, схватил за одеяло Юриса.

– О Всевышний, он стар и болен, – запричитала женщина, тараща на главаря глаза. – Не трогайте его. Не трогайте!

– Господин, не тронь моего отца! – истошно завопил и Махмуд.

На крик из дома выбежали слуги с оружием в руках и остановились в нерешительности у порога.

– В чём дело? – недовольно поморщился Албасты.

В чёрной овчинной шубе, в лисьей шапке, с платком на лице, он выглядел до того злобным и неукротимым, что у Махмуда мурашки побежали по спине.

– Сейчас я объясню вам, в чём дело, – спокойно повторил Албасты.

Услышав полный угрозы голос, Юрис неожиданно вскипел:

– Выродок! Презренный, проклятый отцом! И почему мой безумный брат когда-то пригрел тебя?

– Значит, ты меня узнал, пень трухлявый, – оборвал его Албасты.

Видя, что дело принимает нежелательный поворот, Махмуд стал хватать разбойника за руку, причитая:

– Господин, вы же пришли за своим конём, а не разорять нас? Вы же сами...

– А ты тоже узнал меня? – грозно рыкнул на него Албасты.

– Да, – признался тот. – Но мы же когда-то...

– Плюнь ему в свинячье рыло! Этот байгуш слишком высоко вознёсся. – В горле старого Юриса что-то заклокотало от ярости, как вода в кипящем котле.

– Ну вот, раз уж ты заговорил, хвост верблюжий, – сказал Албасты, – тогда скажи мне, где держишь в своём доме свои и мои деньги. Я не хотел отнимать их у тебя, но ты оскорбил меня в присутствии моих воинов. Так же ты виновен и в том, что не отдал моему человеку коня и деньги, которые я оставлял у тебя на временное хранение. Ты сказал моему воину, что отдашь всё лично мне. Так вот он я, жив и здоров, как видишь.

Махмуд подскочил к отцу и накрыл его голову одеялом, чтобы он не говорил ничего лишнего.

– Сабарманы! И умереть захочет человек, так они на него встанут и начнут топтать, – вырываясь, кричал Юрис.

Перепуганный Махмуд ткнул его локтем в бок, чтобы тот замолчал.

– Старик показывает свои жёлтые зубы?! – расхохотался Албасты. – Я хотел уйти с миром, но теперь передумал. На улице зима, а моим лошадям нужен корм. А у вас его много! И люди мои поисхудали. Много времени понадобится, чтобы их откормить!

– Да разве мы вас прокормим, сабарманы? – закричал разозлившийся Махмуд. – У нас и свой скот кормить нечем!

– Сабарманы? – насмешливо переспросил Албасты. – Разве мы снимаем с вас халаты или шаровары? Подтяните их, кстати, а то сами упадут. – Он подождал, пока затих смех столпившихся рядом с террасой разбойников. – Удобное место у вас тут, почтенный Юрис. Двор и дом на окраине слободы. И любопытные мимо вашего двора не ходят. Так что мы в сытости и безопасности доживём до весны.

– Убирайся прочь, байгуш! – яростно сжал сморщенные кулачки старик. – Ты ничего не получишь, пока я жив!

– Тогда я получу всё после твоей смерти, кусок дохлятины! – крикнул Албасты. – Воины! Кормите коней, режьте баранов. Этот дом наш, пока в нём не останется ни одной засохшей лепешки!

– Ты собираешься отнять у меня всё, – задыхаясь, проговорил Махмуд. – Для чего тебе это нужно?

– Ты и твой отец оскорбили меня, – повторил Албасты. – Твой отец перестал дружить с головой, а ты... выпроводил за ворота моего посланника, чем меня горько обидел.

– Но я не поверил ему, – принялся оправдываться несчастный Махмуд. – Он не внушал мне доверия.

– А я склонен считать, что ты обокрал меня, продав моего коня и потратив мои деньги! – покачал головой главарь разбойников.

Махмуд ничего не успел сказать в ответ, так как неожиданно Юрис тихо рассмеялся, закашлялся и с натугой сказал:

– Ты подохнешь. Как пёс подохнешь, байгуш безродный! А я тебе ничего не дам, хоть зарежьте.

Гульнара восприняла эти слова как сигнал и сразу завыла не своим голосом:

– Лю-ди! По-мо-ги-те!

– Рот закрой, кобыла жеребая! – прикрикнул на неё Албасты. – Ещё раз его разинешь, я прикажу перерезать вас всех вместо баранов.

Он оттолкнул Махмуда рукояткой камчи и сбежал вниз по лестнице.

– Мы что, остаёмся надолго или только заночуем? – окружили его с расспросами воины.

– Дайте корм лошадям и режьте баранов, – распорядился Албасты.

Махмуд упал перед ним на колени и заплакал, глотая слёзы. А когда разбойники вошли в овчарню, он ухватился за ноги Албасты и уже ничего не говорил, только тяжело дышал.

– Ты вспомни, как я и мой отец помогали тебе, когда тебе было плохо? – прохрипел он сорванным от волнения голосом. – Мы кормили тебя и твоих сабарманов. Так почему ты хочешь отплатить нам чёрной неблагодарностью?

Албасты нагнулся, схватил Махмуда за ворот азяма (верхний кафтан халатного покроя, крытый овчинный тулуп), встряхнул, словно приводя в чувство. Продолжая держать его за ворот, он сказал сквозь зубы:

– Ты напомнил мне то, о чём я поклялся не вспоминать никогда, ишак безмозглый! А потому...

Он выхватил из ножен саблю и одним резким взмахом отрубил Махмуду голову.

– Воины! – крикнул он своим разбойникам. – Убейте здесь всех! Никого не оставьте живыми в этом проклятом доме.

* * *

До Сеитовой слободы Нага добирался в напряжённой тишине предрассветного часа. К дому Махмуда он подкрался задворками с необъяснимой тревогой на душе. Прежде чем подойти к закрытым воротам, он долго наблюдал за ними со стороны, держа коня за уздечку.

Светало. Дом Махмуда безмолвствовал. Либо все ещё спали, либо ни одной живой души не ожидало в нём Нагу. Он прислушался, ловя знакомые звуки конюшни. Ничего. Мёртвая тишина. Может быть, и правда он единственное живое существо здесь, здесь, где недавно Махмуд угощал его вином и опиумом, где жарилась баранина для него. Ах, как мало он ел тогда вкусного, ароматно пахнущего мяса! Не хотел? Наверное, нет, раз отказывался от обильного угощения...

Но если дом молчит, зачем же он опасается в него войти? Его заметят жители слободы, едва рассветёт.

Для нескольких последних шагов приходилось собирать все силы. Подойдя к калитке, Нага приоткрыл её и заглянул во двор. На снегу у колодца вповалку валялись трупы.

Он с трудом не поддавался панике и вдруг возникшему желанию немедленно бежать подальше от мёртвого дома. Собрав в кулак всё своё мужество, он осмотрелся и стал соображать. Если бы хоть кто-то из тех, кто учинил здесь кровавую резню, всё ещё оставался в доме, то уже давно показался бы во дворе. Значит, сделав своё дело, напавшие на дом разбойники ушли. Но они могут вернуться. Скоро ли?

Он рискнул пройтись и осмотреться. В первом же трупe Нага узнал Махмуда, рядом валялась его отрубленная голова. Видно, и опомниться не успел. Старик Юрис лежал на лестнице террасы с рассечённой головой.

Нашёл он и жену Махмуда Гульнару. Она лежала у входа в конюшню, возле столба. Не добежала до коня, лежит на спине. Сама так упала или перевернули? Глаза женщины раскрыты.

Нага отвернулся, почувствовав приступ жалости к этой, в общем-то хорошей при жизни женщине.

Прятаться как в доме, так и на подворье было опасно. Те, кто устроил резню, могли вернуться в любой момент. Могли прийти жители слободы, чтобы похоронить убитых, а заодно и пошарить на осиротевшем подворье. Нет, нет... Нага зашёл в конюшню и обомлел. В тёмном углу стоял красавец конь Махмуда – Араб. Видно, разбойники очень торопились, если не взяли скакуна. А может, его не тронули по какой-то другой причине?

Нага завёл в конюшню и своего коня, привязав рядом с Арабом, кинул в кормушку пару охапок сена. Он огляделся вокруг, и сердце его замерло – он увидел ход на чердак. В одно мгновение в выветренной от опия голове родился план. Он взберётся на чердак и до вечера будет спать там, зарывшись в сено. Спать, спать! Даже есть так не хотелось, как спать. Пусть даже в холоде. А когда стемнеет...

Невероятных усилий стоило Наге влезть на кормушку, а оттуда из стойла, сквозь пролом в потолке, выбраться на чердак. Он сделал это, подтянувшись на руках, едва не зубами цепляясь за доски. Под камышовой крышей конюшни копной лежало сено. Нага зарылся в него с головой. Едва измученное тело ощутило покой, сон сморил его тут же.

Проснулся он, когда ночь окутала землю. Нага спустился с чердака и вывел коней во двор. Он направился к дому, попутно пнув обезглавленный труп Махмуда. «Вот она, вся наша жизнь, – с тоской подумал он. – Вот они, уже мертвецы, а не люди, без чувств, без мыслей, без надежд! А я пока ещё чего-то ищу в этой безумной жизни...»

В доме Нага нашёл блюдо с холодной бараниной. Он хватал куски и жадно ел стоя, вгрызаясь в кости зубами, с торопливостью голодного волка, рычащего и не подпускающего к случайной добыче остальных голодных членов стаи.

Потом он вывел коней со двора. Небо, как назло, прояснилось, и над головой ярко светила луна. Нага вдел ногу в стремя и вскочил в седло. Бросив на безмолвный дом прощальный взгляд, он уселся поудобнее и, опасаясь, как бы кони не заржали, слегка подстегнул Араба ладонью по крупу. Он тихо пошёл вперёд.

Но Нага ошибся, выбирая дорогу. Вместо того чтобы держаться степи, он решил ехать в обратном направлении, через лес. Нага не заметил прячущихся среди деревьев людей, зато они заметили его.

– Хватайте этого шакала! – крикнул всадник, державшийся впереди отряда.

Рванувшие лошадей всадники в считанные мгновения окружили Нагу.

– Вот тебе, свинья! – крикнул кто-то из них гневно и безжалостно опустив на его голову кистень. От смерти Нагу спасла шапка, но он без чувств свалился из седла на землю.

– Бей его! – оживились разбойники, размахивая оружием.

– А ну стоять! – прозвучал грозный окрик вожака, и он сам показался верхом на коне из-за толстого ствола осины.

– Албасты! – крикнул разбойник, сбивший с коня Нагу. – Погляди, он на том коне, которого мы оставили подыхать в стойле? Он никого не подпускал к себе, а этот...

– К его седлу привязан мой конь, – злорадно усмехнулся вожак. – Именно его я оставлял на сохранение этому мерзавцу Махмуду. Прими Аллах его душу!

Албасты спешил и склонился над лежавшим без памяти Нагой.

– Вот тебе на. Клянусь Всевышним, это лицо мне знакомо! Явился к своему братцу Махмуду, Садык. Но это ему вышло боком. Крепко звякнул ты ему по башке, Сабир, будет гудеть теперь она до самой могилы!

В это время Нага открыл глаза. Скрипя зубами от головной боли, он впился взглядом в лицо склонившегося над собой разбойника.

– О Всевышний, – сказал он. – Ты ли это, Калык бесшабашный? А я думал, что ты уже кормишь червей где-нибудь в степи. Ну, погоди, расплачусь я с тобой сполна за этот твой поступок.

– Господин, прости! – загоготал развеселившийся разбойник. – Теперь я твой господин, а ты мой раб, уважаемый Садык! И наперёд прошу никогда не забывать об этом!

Глава 6

В народе говорили: что хорошо в Святки – нехорошо в будни. Это проявлялось во всем. Святки в Оренбурге ничем не отличались от празднований в сёлах, станицах и малых городках. В это время отвергались все нормы человеческого общежития, игры были подчёркнуто эротическими: юноши устраивали розыгрыши в образах животных, щупали и лягали девиц, не ответивших им в прошедшем году взаимностью.

Помимо относительно невинных коляд и кощунственных игр в покойника, наши весёлые предки практиковали и другие забавы, которые могли и расстроить, и напугать целомудренных девушек.

В Оренбурге, в казачьем Форштадте, была особо распространена «игра в кобылу», во время которой молодые казаки на посиделках строили девок попарно и, приказав им изображать кобыл, пели хором: «Кони мои, кони, кони вороные...» Затем один из парней, изображающий хозяина табуна, кричал: «Кобылы, славные кобылы! Покупай, казаки!», а другой, «покупатель», выбирал одну из них, ошупывал и осматривал, как лошадь на ярмарке. Далее шла бойкая «торговля», полная непристойных жестов и неприличных песен, «кобылу» заставляли целоваться с «покупателем», а затем её «подковывали». Один из парней зажигал пук лучины – горн, другой раздувал «меха», третий изображал «кузнеца» и колотил по пяткам, а «покупатель» держал «кобылицыны» ноги, чтобы не убежала.

А ещё в первые святочные дни бойкие девушки-казачки наряжались в чужие сарафаны и закрывали лица платками, чтобы парни их не узнали, шли дурочить молодёжь не своего сословия. Особенно любили дурочить парней ремесленников и мастеровых.

Большая часть казачьей молодёжи наряжалась в одежду противоположного пола: парни – в женскую, а девушки – в мужскую. На городских улицах переодетый девушкой парень избирал себе в кавалеры какого-нибудь простодушного юнца из горожан и заигрывал с ним, назначая свидания, кокетничал и даже давал нескромные обещания. А к концу вечера, когда простак уже «пламенел от страсти», ломался, потом уступал, а на свидании открывался ему под смех затаившейся за забором всей честной компании.

Приблизительно такой же характер носили интриги нахалок, наряженных парнями: они так же выбирали себе наивных дурёх из семей мастеровых горожан, ухаживали за ними, выпрашивали «в залог» платок или колечко. А потом из-за забора вдруг выскакивали свои, форштадтские, раздевали озорницу чуть ли не догола и вываливали в снег.

Обычно после таких «забав» мастеровая молодёжь считала себя обиженной и начинались вполне реальные драки с кольями стенка на стенку, с увечьями и даже с забитыми насмерть. И неудивительно, что после таких «веселий» мерещились и бесы в зеркалах, и мохнатые руки из печек, и прочие ужасы, от которых замотанные Святками казаки и горожане порой лишались рассудка! Из уст в уста передавались страшные истории про страшные гадания, где ослушницу настигала кара в виде поседения, постарения.

Но, несмотря ни на что, девичьи посиделки всегда проходили при погашенных свечах и всенепременно заканчивались вопросами про суженых-ряженных. Оканчивались же Святки наступлением Васильева вечера.

* * *

Вечером, который по народному календарю принято называть Васильевым, нечистая сила «давала отмашку» для самых экстремальных святочных гаданий. Это была кульминация Святков. Начинались «страшные» дни, которые длились до самого Крещенского сочельника. Считалось, что гадание в эти дни – самое точное, поскольку помогала сама нечисть, ворующая

с неба месяц, чтобы не было свидетелей того, как ведьмы и духи шастают по дворам. Верили, что если старшая в избе женщина до рассвета принесёт из амбара крупы, а старший мужчина – колодезной воды, то предстоящий год двор проживёт с добром. На Васильев вечер всей избой следили за тем, чтобы каша не побежала из горшка – это считалось дурным знаком. По домам ходили бабки-повитухи, омывали притолоки и вытирали их чистым полотенцем – так устранялись следы навывающей потусторонней силы. После этого над воротами привязывали сальную свечу, чтобы возвращающиеся с шабаша ведьмы обходили дом стороной.

Этот вечер Жаклин и капитан Барков, как всегда в последнее время, коротали вдвоём.

– Быть может, вы мне скажете, Александр Васильевич, сколько нам ещё понадобится времени, чтобы дожидаться приезда Анжели? – спросила Жаклин. – Мне уже начинает казаться, что дело не в золоте французов, а в том, что вы умышленно удерживаете меня в Оренбурге!

– Но для чего? – удивился Барков. – Почему вы так думаете?

– Вы хотите как можно дольше находиться со мною рядом, – уверенно ответила Жаклин.

– Но для чего? – взволнованно повторил капитан.

– Чтобы влюбить меня в себя! – ответила она, глядя в его обеспокоенные глаза.

Барков побагровел до самых корней волос. Он решил, что Жаклин удалось каким-то образом разгадать его планы. Совесть нашёптывала ему, что он разоблачён. Приговор вот-вот будет произнесён, его ждёт кара за двуличие: женщина больше не пожелает его видеть и выставит за дверь. Бедняга! Он и не догадывался, что, знай Жаклин о его планах, это бы не только разъярило её... Жаклин было приятно видеть капитана у своих ног, утверждать свою власть над ним, заставляя его терять голову от любви к ней. Но ей было ещё приятнее ощущать, что она не одна коротает время в своём унылом доме и что ей не приходится выть от одиночества, или впасть в очередную безумную попытку покинуть город одной, зимой и без надёжного сопровождения.

– Господи, да вы и так знаете, что я изнемогаю от любви к вам, милая Жаклин! – справившись с замешательством, ответил капитан. – А если вы захотите меня полюбить, то никакие уловки в этом мне не помогут! Признаться, я давно уже ищу заветную тропиночку к вашему сердцу. Безумец, я хочу найти своё счастье на земле, а можно лишь уповать найти его на небе!

– Фу, Александр Васильевич! Вы говорите то, во что сами ничуть не верите. Все вы, мужчины, таковы. Если вы знаете, что земного счастья не существует, почему вы так настойчиво добиваетесь моей любви? Зачем стремитесь к этому, даже пожертвовав своей блестящей карьерой?

– Мне свет не мил без вас, Жаклин, не говоря уж о какой-то там карьере.

– А вот меня что-то беспокоит молчание губернатора, – решив сменить избитую тему, призналась Жаклин. – Неужели ему ещё неизвестно о бегстве Ании?

– Наверное, нет, – нахмурился, как от приступа зубной боли, Барков. – Мы же не говорили никому об этом. Да и гости перестали посещать ваш дом. К чему бы это?

Столик, заставленный вазами с пирожными, с наполненным вином графином в центре стоял перед креслом Жаклин, точно ограждая её от врага. Она приподнялась настолько, чтобы видеть поникшую голову своего собеседника.

– К тому, что для всех горожан я уехала в Париж, – сказала она запальчиво. – А о моем якобы возвращении тоже не говорилось никому!

После этих слов Жаклин откинулась к спинке кресла и закрыла глаза. А Барков смотрел на неё и сгорал от очередной огненной бури в сердце, вызванной любовью к этой падшей, но сказочно прекрасной женщине.

Капитан Барков отчаянно боролся с собой, стараясь очистить душу от этой любовной скверны. Он пытался заставить себя устоять перед губительной страстью. Освободиться от чар Жаклин, которая околдовала его. Но он не мог сбросить узы с сердца. Он ждал, что в любви к

этой внешне очаровательной женщине обретёт упоительные восторги, но уже успел убедиться, что она приносит лишь разочарование и упреки совести. И всё же у него не было сил вырваться из этого плена. Он знал, он не мог не знать, что вся она зла и фальшива, что она смеётся над ним, презирает его любовь, потешается над его чувствами. Но она позволяла ему обожать себя, и это настолько раздуло пожар его страсти, что уже ничто не могло этот пожар потушить. Он молчал, смотрел на её прекрасное лицо и думал, что должен сломить её гордость ещё большей гордостью, должен напускным равнодушием заставить её полюбить себя. Раньше он думал, что знает, как можно укрощать женщин подобного сорта. Но при попытке применить свои «знания» на практике он потерпел желанную неудачу. Он любил Жаклин бешено, безумно и искренне, а она вовсе его не любила. И она продолжала цинично насмехаться над ним, а он продолжал терпеть это...

Внизу кто-то сильно постучал в запертую входную дверь.

– Кто это может быть? – удивилась Жаклин, раскрыв глаза и привстав с кресла. – Может быть, Анжели принесли черти в это позднее время?

Появившаяся из кухни служанка быстро пересекла комнату и прилипла к окну.

– Это ряженые, – сказала она, не отрывая взгляда от улицы. – Думала, что в нынешние Святки они к нам не придут.

– Ряженые? – удивилась Жаклин. – А что им у меня понадобилось? Я думала, что в таких городах, как Оренбург, подобной дикости не предаются.

– Ещё как предаются, – ухмыльнулся Барков. – Даже в императорском дворце на Святки такие вольности похабные вытворяют, что только диву даёшься!

– А здесь любят потешаться над всеми, – дополнила его ответ служанка. – Над соседями впервоочередно. Ежели на их стук дверь не отворяют, то могут её в щепки разнести.

– Чем? – ужаснулась Жаклин.

– Бревном вестимо, чем же ещё, – ответила служанка и тут же воскликнула: – Батюшки, а они и впрямь с бревном к вашему дому заявили, госпожа?

– Так что прикажете делать? – спросила Жаклин, посмотрев на капитана взглядом, молящим о помощи.

– Открывать, наверное, – пожав плечами, посоветовал Барков. – Они не отвяжутся, я думаю. А так, немного побезобразничают и уйдут. Хотя бы дверь целой останется.

– Ой, они уже и бревно в руки взяли, – сообщила взволнованно служанка. – Сейчас разбегутся и ка-к-ак шандарахнут!

– Господи, средневековые какое-то. Александр Васильевич, ну сделайте что-нибудь? – взмолилась перепуганная Жаклин. – Только в салон и сюда, на второй этаж, этих мерзавцев не впускайте!

– Может, лучше я сама открою? – вдруг спросила служанка. – Они знаете, какую пакость учинить могут?

– Какую? – прошептала подавленно Жаклин.

– Возьмут навоз мёрзлый и прямо в ведре его кипятком запарят, – ответила служанка.

– И для чего это? – брезгливо поморщившись, спросила Жаклин.

– А вот стучат, и им не открывают. Тогда бревном дверь вышибают, а тех, кто открывать не хотел, этой жижей вонючей с ног до головы и вымазывают!

– О Господи! – воскликнула потрясённая Жаклин, которой вовсе не улыбалась перспектива быть вымазанной чьим-то дерьмом. – Александр Васильевич, – обратилась она к Баркову. – Заряжайте pistols. Если эти скоты только посмеют что-то в этом роде попробовать...

– Я вас понял, госпожа, – кивнул понимающе капитан и поспешил к ящику, в котором Жаклин хранила порох, пули и pistols.

– Ну, я пошла открывать? – с сомнением посмотрела на встревоженную хозяйку служанка.

– Ступай скорее, – поторопила Жаклин, – пока дверь не вынесли, мерзавцы ряженные.

* * *

Пёстрая толпа ряженных ввалилась в покои Жаклин. Они сновали по комнатам взад и вперёд, пили, ели, кричали и шутили. Большинство ряженных столпилось вокруг представительного старца в яркой одежде. Седой бородатый человек спокойно сидел прямо на полу, брэнча на балалайке, а вокруг него плясал «огромный медведь». Старик глуховатым голосом напевал не совсем пристойные частушки, а толпящиеся рядом ряженные громко ему подпевали.

– Где-то я уже видела этого человека, – сказала Жаклин стоявшему рядом с пистолетами наготове Баркову. – Но где, не могу вспомнить, да и не могу как следует его разглядеть из-за его парика и наклеенной бороды. И мне кажется...

– Надеюсь, они не долго будут здесь глотки драть, – не слишком-то ласково высказался в отношении непрошенных гостей капитан. – И мне кажется, что эти шуты ведут себя как-то не так, как обычно ведут себя люди на таких вот праздниках.

– Мне тоже они не нравятся, – согласилась Жаклин. – Может, попытаемся их выпроводить?

Она сказала свою последнюю фразу именно тогда, когда ряженный «старик» прекратил брэнчать на балалайке и распевать частушки. Он слегка ссутулился, положил рядом на пол свой инструмент и наклонил голову. Вдруг он по-молодецки вскочил на ноги, подобрал балалайку и сказал, обращаясь к присутствующим:

– Мы хорошо здесь повеселились, братцы. Пора бы и честь знать!

Барков направился к двери, чтобы открыть её и выпроводить ряженных, но, как только взялся за ручку, услышал грозный окрик, брошенный ему в спину:

– А ну стой, паршивец!

От звука знакомого голоса капитан вздрогнул и обернулся. Его руки легли на рукоятки заткнутых за пояс пистолетов.

Но ряженный «старик» не обратил на него никакого внимания. Он подошёл ближе к растерявшейся Жаклин и с какой-то ироничной усмешкой воскликнул:

– Как я рад снова вас лицезреть, достойнейшая графиня Артемьева! Сердечно «рад» снова встретиться с тобой, шельма, после недавних событий! Долго я тебя искал. Нашёл, но потерял. А теперь, Бог дал, мы свиделись вновь! Узнаёшь меня, Аннушка? – спросил «старик», прихлопнув в ладоши.

Жаклин промолчала и, побледнев, опустила глаза в пол.

– Неужто не признала? – захохотал странный скоморох. – Ну и плохая же у тебя память – «девичья»! Но я тебе подсоблю. Помнишь ли брата моего, своего мужа убиенного?

– Помню, – прошептала, дрожа всем телом, Жаклин.

– Очень приятно осознать, что память тебе всё-таки не изменила, – шутивно продолжал «старик». – Давай-ка присядем в кресла. Я должен сказать тебе несколько слов. – И, бесцеремонно схватив её за руку, он не сильно швырнул её в пустующее кресло, а потом спокойно сказал: – Прошлый раз ты переиграла меня, а я поступил опрометчиво и глупо, позволив мерзкой дряни взять над собою верх. Я был смешон, не так ли?

Жаклин сидела бледная, как смерть, и молчала.

– Ты совершила роковую ошибку, не убив меня сразу, в гостинице, дрянь! – крикнул «скоморох», выхватив из-за пазухи кинжал. – Ты признаёшь это?

– Да, граф, – прошептала Жаклин, закрывая глаза и готовясь к смерти.

– Послушайте, ваше сиятельство, – шагнул к нему от двери Барков, но сразу же попал в железные объятия Демьяна, успевшего сбросить с себя медвежью шкуру.

– А теперь я пришёл за дочерью, Аннушка, и без неё никуда не уйду! – сказал граф, усаживаясь в кресло с ней рядом. – Со мной, как видишь, двадцать молодцов, готовых следовать и в огонь, и в воду, если понадобится. Если захочешь, то я представлю тебе их поимённо?

– Н-не надо, – ответила отрешённым голосом Жаклин.

– Теперь, надеюсь, ты поняла, стервоза, что на этот раз влипла по самую макушку? – крикнул граф, наводя на Жаклин, как указательный палец, остриё кинжала.

– Поняла, ваше сиятельство, – прошептала она.

– Ты же помнишь, что я всегда говорю правду и сдерживаю свои обещания? – грозно проговорил Артемьев, срывая парик с головы и «бороду» с лица.

– Да... да... – пробормотала Жаклин, дрожа, как в лихорадке.

– Видишь, мерзавка, – и граф вскочил с кресла, – ты сама виновата, что я ещё и теперь жив. Не будь тебя, я бы не занимался противными мне делами. Но я сказал себе – нет, надо найти свою доченьку и наказать мерзавку, её похитившую. И промахнуться второй раз я позволить себе не могу!

Дрожащие огоньки свечей, стоявших на столе, причудливо освещали испуганные глаза Жаклин, её перекошенное ужасом лицо, но ещё причудливее играли на её белых щеках и скорчившейся в кресле фигуре.

– А теперь за все свои муки и переживания я требую расчёта, – после паузы продолжил граф. – Отдай мне Машеньку, и я пощажу тебя, хотя пойду вопреки своей жажде мести и вопреки здравому рассудку.

Вперив глаза в Жаклин, он едва дышал.

– Ну, змея, что скажешь?

– Я не могу вернуть тебе Машеньку, – простонала она.

– Что-о-о?

– И никто не может вернуть её.

– Что ты городишь, стерва?

– Твоя дочь Машенька мертва. И сам Господь Бог не сможет оживить её!

Это страшное признание прозвучало как гром среди ясного неба. Потрясённый услышанным, граф словно окаменел. Замерли и все присутствующие.

Но нависшая в комнате зловещая пауза длилась недолго. Глаза несчастного графа налились кровью, губы побелели, но он не упал в обморок. Напротив, с обезумевшим видом он бросился вперёд и схватил Жаклин за горло.

– Это ты её убила? – прохрипел он, сжимая пальцами её горло.

– Н-нет, – прошептала она, даже не пытаясь сопротивляться.

– Кто тогда?!

– Месье Анжели. Он увёз Машеньку на берег реки и... застрелил её.

Отпустив Жаклин, граф рухнул в кресло и обхватил руками голову. А когда он поднял её вновь, взгляд его был страшен.

– По твоей вине погибла моя доченька, дрянь! – заговорил он грозным, но в то же время полным муки голосом. – И мне очень хочется вонзить нож в твоё гадючье сердце. Но я не хочу. Я не хочу марать свои руки и руки своих слуг твоей поганой кровью. Я дворянин, я воин, но не палач. И казнить даже таких нелюдей, как ты, не моя профессия. Но ты не уйдёшь от наказания, мерзавка. Я сочтусь с тобой по-иному. Я навсегда лишу тебя свободы, и ты сгниёшь заживо на каторге! Всю оставшуюся жизнь ты будешь носить на себе тяжёлые цепи, а твои внутренности будет жечь адский огонь. Там, среди таких же страшных злодеев, как ты, лицо твоё увянет и тело высохнет, как сухая ветка! А если раскаяние всё же посетит твоё каменное чёрное сердце, к тебе будут являться во сне мой загубленный тобой брат и мой невинный ребёнок, моя доченька. Она будет являться к тебе бледной, со слезами на глазах, и пусть взгляд

её вонзается в твоё адское сердце, как раскалённое копье. Подыхай и живи, живи и подыхай!
Будь проклята как до могилы, так и в могиле!

– Ой, мама, мамочка! – дико завывла Жаклин, царапая ногтями своё лицо. – Ой, ой, ой...

– Уведите её с глаз моих долой, – устало махнул рукой слугам граф. – И все уходите прочь. Оставьте меня наедине с моим горем.

Глава 7

Поездка в город Оренбург и встреча на базаре с Садыком надолго выбила Амину из колеи. Пытаясь отвлечься, она много читала, думала, гуляла, каталась по лесу на санях. Но это ей быстро надоело. Она уже долго жила на природе среди простых, бесхитростных людей. Вначале она тосковала по городской жизни, но вскоре смирилась... Что-то словно надломилось в душе. Общительная, мягкая от природы, она стала раздражительной, нелюдимой: целыми днями слонялась по своему дому и не находила себе ни дела, ни развлечения. Изредка навещавшая её цыганка Ляля высказывала тревогу по поводу болезненного состояния её сердца. К тому же девушка говорила, что у Амины сильное нервное расстройство, настойчиво рекомендовала лечиться травами и беречь себя.

Амина была молода, красива, но болезни одолевали её. То мигрень, то бессоница...

«Всё кончено, отжила! – с ужасом думала она. – А что меня ждёт впереди? Я ещё жить хочу, любить и быть любимой! Я не хочу, чтобы жизнь обошла меня стороной!»

Но вдруг на её умёте появился молодой казак Архип. Вместе с ханской дочкой его привезла Ляля. Цыганка по-особенному относилась к этим людям и очень просила Амину не отказывать им в приюте.

Архип был красив, но робок с ней и угловат. Это почему-то пленило Амину. Сильный, плечистый казак, с копной густых тёмно-русых волос, со светлыми ясными глазами, окончательно завладел её сердцем и всеми помыслами. И женщину, давно утратившую надежды на счастье, неудержимо потянуло к нему, как влечёт избитого жизнью человека забыться на денёк или два где-нибудь на лоне природы.

В её внезапно вспыхнувшей страсти к Архипу было что-то неестественное и порочное, но от этого не только не утратившее своей остроты, заманчивой прелести неизведанного, а многократно усиливавшее их.

В душе у Амины что-то расцвело: ей снова захотелось жить, наслаждаться жизнью, общаться с людьми, гулять в лесу, помогать бедным. Ей вдруг очень сильно захотелось покорить казака: «Посмотри, а я ничем не хуже ханской дочери! Быть может, я даже намного лучше её. И ты полюбишь меня! Я помогу тебе позабыть о вздорной девчонке и обратить все твои помыслы только на меня одну...»

Амина, безусловно, понимала, что влюбить в себя казака будет непросто, и чувствовала, что он не тянется к ней, сторонится её общества. Она видела, как Архип смотрит на Анию – с трепетом и обожанием. Но тут вступали в действие силы какой-то, очевидно, врождённой способности человеческого сердца к утешению, к самообольщению, напрочь отметающие доводы разума.

Амина снова вспомнила о встрече с Садыком. Она вспомнила его неопрятный вид, помятое лицо и ядовитые реплики, на которые она была не в силах что-либо ответить. Ей казалось, что земля под ногами раскачивается, она чувствовала, что лицо её горит, она задыхалась.

Трудно было объяснить чувства, бушевавшие Аминой, пока она возвращалась из Оренбурга домой. Эта неожиданная встреча с врагом ошеломила её. Она чувствовала себя униженной тем, что человек, которого она ненавидела и боялась, нашёл её. Она попробовала было убедить себя, что Садык явился к ней не наяву, а в кошмарном сне.

Амина вспомнила, как отпрыгнула от Садыка, точно от гадюки – но недалеко, меньше, чем на длину руки, – и с быстротой молнии попыталась убежать с базара. Она кляла себя за то, что, решив развеяться, поехала в Оренбург. Она слишком забылась. Если бы она росла в простой семье, если бы её воспитывал человек, более строгий, чем богатый любящий отец, если бы она дольше прожила под властью грубого неотёсанного мужлана, может быть, тогда она не утеряла бы чувства осторожности.

Теперь же она боролась с искушением отыскать наглеца Садыка и безжалостно уничтожить его. В ней был слишком силен дух независимости, и она не хотела жить под угрозой, исходящей от врага. Кроме того, Амина инстинктивно понимала, что от этого человека можно избавиться только одним способом – убить его! Когда отец Садыка отдал всё своё состояние ей, гордость этого мерзавца была уязвлена. Он считал себя униженным и несправедливо обойдённым. В ярости он может натворить немало бед и добраться до неё. Садыка раздражало такое вопиющее пренебрежение его наследственными правами...

– Ильфат? – позвала она слугу. – Сколько у нас людей?

– Мужиков человек пятьдесят. А баб и детишек...

– Оружие? У нас есть оружие для обороны?

– Есть, но очень мало. На всех не хватит.

Амина ненадолго задумалась. Отсутствие средств для защиты умёта испугало её.

– Сегодня обойди с мужиками частокол. Подладь его, обнови. Запоры осмотри на воротах, чтобы крепкие были.

– На нас что, собирается кто-то напасть, госпожа? – осмелился обратиться Ильфат.

– Не знаю, – озабоченно нахмурилась Амина и тут же уточнила: – Пока не знаю. Сегодня дам денег, а с утра в Оренбург поедешь.

– Для чего? – удивился слуга.

– Закупишь много ружей, пистолетов, сабель, пороха и свинца, – задумчиво ответила она. – Может, тот, кого я ожидаю, и не появится вовсе, ну а если появится, то надо будет его встретить во всеоружии!

– О ком вы говорите, госпожа? – полюбопытствовал обескураженный её словами Ильфат.

– О самом злобном и коварном негодяе, которые существуют на свете!

– Ну, я пошёл? – спросил он, всё ещё нерешительно топчась на месте.

– Да, ступай, – сказала Амина уставшим голосом. – Да, чуть не забыла, позови ко мне Архипа и девушку. Если они где-то рядом, а не прохлаждаются гуляньем по лесу.

* * *

Архип, глядя на заснеженный лес, обнял девушку за талию, а она положила голову ему на плечо и стояла так, очень довольная своей позой. Они молчали – им не нужны были слова. Всё необходимое было уже сказано. Они любили друг друга, и этого было вполне достаточно.

Ания гордилась своей любовью и чувствовала, что ей есть чем гордиться. Она могла бы простоять так, положив голову казаку на плечо, хоть целый день, лишь бы никто не помешал ей. Если понадобится, она без сожаления сбросит с себя бремя независимости и займёт положение, наиболее идущее женщине, и примет на себя обязанности любящей жены и матери.

И Архип тоже стоял, не желая ничего лучшего. Оба смотрели на спящий лес, точно пытаясь увидеть среди ветвей свою будущую судьбу. Но наконец Ания перевела взгляд на его лицо и сказала с печальной улыбкой:

– Я бы всё отдала сейчас, если бы только узнать, что нас ждёт в будущем?

– И я о том хотел бы знать, – вздохнул Архип. – Восседаем сиднями на шее Айгульки, а она ведь не двужильная.

– Ты думаешь, мы здесь не ко двору пришли? – спросила Ания.

– Как знать, – пожал плечами казак. – Но мне что-то не нравится, как она на меня глядит.

Он посмотрел на девушку и встретил взгляд, полный любви. Внезапно возникшее искушение оказалось слишком сильным: забыв о застенчивости, Архип нагнулся и поцеловал Анию в губы. И мозг, и сердце казака пылали, как в огне.

Каждое утро, проснувшись, он первым делом думал о девушке. А если Ания просыпалась первой и смотрела на него через приоткрытую дверь, Архип притворялся спящим. Прищурился

глаза, он видел, как Ания мило улыбается и, закрыв дверь, уходит. Её близость давала казаку ощущение уверенности и удовлетворения. В самые волнующие моменты, когда он целовал её в губы, девушку охватывала дрожь, и это очень нравилось Архипу. Он жаждал супружеского мира и покоя, но... Жизнь складывалась так, что не позволяла строить хоть какие-то планы.

Архип боялся своих мыслей о будущем. Он не знал, что ждёт его впереди. Вернуться в Сакмарск с Анией он не мог. Бегство девушки, конечно же, не осталось незамеченным в Оренбурге. Архип даже представить боялся, что там может происходить! То, что Анию ищут, и очень тщательно, не вызывало никаких сомнений. А если их найдут? Девушку вернут к отцу, а его, простого казака, посадят в тюрьму и упекут на каторгу!..

– О чём думаешь, Архип? – спросила его девушка, тронув за руку.

– О том, как дальше быть, – вздохнув, ответил казак. – Ума не приложу, что же нам делать?

– Думаешь, нам здесь что-то угрожает? – насторожилась Ания.

– Да нет, не о том думы мои. Идти нам с тобою некуда, и здесь прозябать мы тоже не можем.

– А мне здесь очень нравится!

– Да и мне здесь не худо. Только вот не по-людски как-то. Как звери в нору забились. Носу высунуть недозволительно.

– Не нравится здесь, так уйдём давай, – предложила девушка.

– Куда идти-то? – нахмурился Архип. – Кто нас ждёт? Нас поди сейчас семи собаками ищут, а как найдут...

– И что будет? – спросила Ания, которая всё это время жила лишь любовью к казаку и не задумывалась об изнанке жизни.

– Нас разлучат, – неохотно ответил Архип. – Тебя к батюшке зараз свезут, а меня в кандалах на каторгу.

– На каторгу? – ужаснулась девушка. – За что? Ты же ничего плохого не совершил?

– А кто меня слушать будет, – вздохнул Архип. – В том, что ты уткнула со мной, обвинят одного меня.

– Но я никому не позволю обвинить тебя! – вспыхнула Ания. – Я...

– Тебя тоже слушать никто не станет, – улыбнулся печально казак. – Ты ханова дитя! А кто я? Казак без роду без племени? Да ещё крепостной бывший. Нам Господь и без того счастье дал, дозволив встретить друг дружку. Но счастье штука хрупкая. И вовсе не бесконечно оно!

– Я думаю, что всё у нас хорошо будет, – сказала вдруг девушка. – Цыганочка Ляля не зря нас сюда привезла. А я верю ей!

– Я тоже пыжусь уяснить, для чего она эдак сделала, – сказал Архип. – Чтоб зараз сгубить нас обоих? На неё это не похоже.

– А ты её давно знаешь? – вдруг спросила Ания. – Мне почему-то кажется, что цыганочка нас спасла от чего-то ужасного. И ещё сдаётся мне, что вы знакомы?

Архип замаялся. Он не ожидал такого вопроса от девушки. Но лгать ей и изворачиваться он не стал.

– Да, я знавал раньше эту цыганку, – ответил он. – Она жила немного у нас, в Сакмарском городке. И даже, было дело, спасла мне жизнь.

– Ух ты! – восторженно воскликнула Ания. – И как же она это сделала?

– Настоями какими-то, – ответил Архип. – Мастерица она настои всяки разные варганить. Меня на охоте пуля шальная зацепила, вот Лялька меня и вытянула с того свету!

– А мне она тебя найти помогла, – рассмеялась девушка. – Это она мне на тебя указала, хотя и знать не могла о твоём присутствии в подвале у Жаклин!

– Она много чего ведаёт, что другим ведасть не дано, – задумчиво сказал Архип. – Ведунья она. Вот и жду я того, когда она сюда пожалует, чтоб совет попросить.

– И ты веришь, что она нам поможет? – с надеждой в голосе спросила Ания.

– Акромья неё, более надеяться не на кого, – твёрдо ответил казак. – Только она меня вразумить могёт, как далее поступать надобно!

Мягкими густыми хлопьями повалил снег, а в полдень ударил мороз. Влюблённые решили возвращаться в посёлок.

Засыпанный снегом лес был сказочно тих. Его безмолвие нарушали только шорох лыж да горячее дыхание лыжников. Согнувшиеся от снега ветки образовали причудливые арки. А мороз всё крепчал. При каждом глотке изо рта валил пар, и идти было жарко. Воздух сделался прозрачным как стекло. Пощипывало нос и щёки.

Архип и Ания вернулись в посёлок после обеда уставшие, но счастливые! По накатанной лыжне скользить было легко и весело. И они бежали радостные, белые, с сердцами, широко открытыми всему доброму, что только существует на земле.

– Ах, вот вы где, проказники! – встретил их с широкой улыбкой на лице слуга Амины Ильфат. – Госпожа вас позвать к себе велела.

– Что-нибудь случилось? – встревожилась Ания.

– Мне про то неведомо, – ушёл от ответа Ильфат. – Ступайте к госпоже, она вам всё сама обскажет.

* * *

Амина находилась дома. Влюблённые вошли к ней в комнату. Они знали здесь каждый стул и столик, каждый шкаф, каждую клетку ковра и всё же чувствовали себя почему-то чужими.

Хозяйка дома сидела в кресле у столика; она выглядела очень мило в красивом строгого покроя платье, в котором Архип и Ания её прежде не видели.

Амина предложила жестом им располагаться, кто где хочет, а потом заговорила:

– Вы намерены покинуть мой посёлок?

– Пока сами не знам, – ответил за себя и девушку смутившийся Архип. – У нас покуда нет эдаких мыслей. Но что-то думать надо б.

– А помочь нам желания нет?

– Отчего ж, подсобим, ежели надобность в том есть. Я зараз всё мастерить могу.

– Помочь надо селянам моим частокол поправить и оружие кое-какое починить, – сказала Амина, пристально вглядываясь в лицо Архипа.

– А что, надо так надо, – тут же согласился он, радуясь, что хоть чем-то может отплатить за гостеприимство.

– Наверное, что-то должно случиться? – забеспокоилась Ания.

– Да, примерно так, – ответила Амина с лёгкой иронией.

– И что же?

– Долго рассказывать, – попыталась уйти от ответа Амина, но потом решила не делать этого. – Меня давно уже ищет один очень нехороший человек. А теперь, как мне стало известно, он напал на мой след и не сегодня, так завтра может пожаловать ко мне «в гости».

– Незванным? – предположила девушка.

– Именно так.

– И не один?

– Такие люди поодиночке «в гости» не ходят.

– И потому вы проживаете здесь, на умёте, скрываясь от него?

– Ты права. Именно так и есть.

Утолив на время любопытство Ании, хозяйка дома обратилась к притихшему Архипу:

– У нас достаточно мужиков для обороны. Но они неопытны и трусливы. Я хочу, чтобы оборону умёта возглавил ты, Архип.

– Господи, да и у меня нету сноровки в баталиях! – ужаснулся казак. – Всё, что могу я, дык это молотом махать у наковальни. Стрелять и саблей рубить, пожалуй, тоже маленько горазд. Но чтоб над людьми верховодить...

– Но ведь ты не шалопай, хотя, может быть, и обленился немного. – Голос Амины зазвенел. – Говоря, что ты обленился, я имела в виду только этот последний месяц вынужденного безделья. Но сейчас, если остаётесь, придётся усердно потрудиться!

Она вопросительно посмотрела на казака:

– Я жду ответа, Архип. Вы остаётесь, или же решили искать счастья подальше от моего посёлка?

– Я решил, – произнёс казак медленно и многозначительно, пытаясь собраться с духом, – поступить так, как скажете вы и Ания.

– Как скажу я? – с удивлением воскликнула девушка, которой не понравилась перемена в его голосе.

– Да, вы обе, – подтвердил Архип.

– Если вы хотите последовать моему совету, начинайте готовиться к обороне умёта, – сказала Амина. – Я знаю, что вам некуда сейчас ехать.

– Я не вижу причин для бегства, – высказалась Ания. – Аллах велик и всемогущ. И я не сомневаюсь, что он отведёт от нас беду!

– И мне претит бросать людей в беде, – улыбнулся Архип. – Тем более тех, которые в трудную годину протянули мне руку помощи.

– Именно таких ответов я и ожидала от вас! – улыбнулась и хозяйка дома. – А теперь все за дело. Архип к мужикам, а с тобой, Ания, мы побеседуем здесь.

Глава 8

Вооружённый разбойник разворошил кончиком сабли кучу хвороста, и открылся проход в яму. Подгоняемый прикладом ружья Нага спустился вниз.

На кучах прелой соломы спали люди, тесно прижавшись друг к другу. При появлении Наги они испуганно вскочили и сбились в кучу у стены.

Следом за Нагой в яму спустились несколько разбойников. Они раскидали саблями солому и в оголённую землю вбили колья. Схватив одного из пленников, крепко связали ему руки шерстяным арканом, положив одну ладонь на другую. Ноги тесно связали у щиколоток. Согнув их в коленях и подтянув кверху так, что они оказались между связанными руками, воткнули между ними палку, толстую, как черенок лопаты.

Связав так, чтобы пленник не мог даже пошевелиться, его свалили на землю. Так же связали и всех остальных. Когда очередь дошла до Наги, один из разбойников сказал:

- Этого надо вязать покрепче.
- На-ка вот ремень сыромятный, – протянул ему ремень другой.
- А выдержит? – усомнился тот.
- Ничего, и не таких выдерживал.

Связали и Нагу. Хотя убежать уже никто не мог, для верности пленников привязали к вбитым в землю кольям.

Только после этого успокоившиеся разбойники выбрались из ямы.

Шёл густой снег. Он сыпал в яму через вход, который сабарманы забыли закрыть.

Пленникам было не до сна. Связанные, они валялись на сырой земле, на перемешанной с грязью влажной соломе.

Один из пленников увидел, что Нага извивается и делает какие-то усилия, упершись в деревянный кол.

– Эй, почтенный, что с тобой? – спросил сочувственно он.

– Молчи, а то других разбудишь! – ответил со злостью Нага и снова завозился около своего кола.

Вскоре он облегчённо вздохнул:

- Наконец-то. Будь ты проклят, ремень сыромятный!
- Ты что, бежать собрался? – удивился сочувствовавший ему пленник.
- Заткнись, пень! – рыкнул Нага, безуспешно пытаясь расслабить узлы на ремне, стягивавшем ноги.

Остальные пленники, видя, как упорно освобождается от пут Нага, тоже попытались освободиться от своих верёвок.

– Ох, а я привязан крепко, – простонал кто-то из них.

– А ты не рыпайся и жди, когда я освобожусь, – посоветовал Нага. – Освобожусь я и помогу всем.

Узлы на ремнях, связывающих ноги, были намного крепче, чем на руках. Нага обломал все ногти, но так и не смог ослабить их. Дотянуться зубами до них он тоже не мог. И даже обшарив карманы, не нашёл ничего, чем смог бы ослабить сыромятные путы.

Выручил всё тот же, больше всех сочувствовавший ему узник.

– Посмотри у меня в правом сапоге, – сказал он. – Там должен быть нож.

Нага с трудом дотянулся до сапога соседа и снял его. В нём действительно оказался маленький нож с тонким лезвием.

– Для чего ты носишь с собой эту безделушку? – удивлённо спросил он.

– Иногда я им бреюсь, – охотно ответил узник. – Я всегда ношу с собой и большой нож, но его отобрали.

– Хорошо, хоть этот не нашли, – удовлетворённо бросил Нага и принялся сосредоточенно срезать с ног ремни. – Может, он поможет сохранить наши жизни.

– А теперь мы их сохраним, что ли? Нас всё равно здесь собрали всех, чтобы продать в рабство. А быть рабом намного хуже, чем распроститься с жизнью.

– По правде говоря, – подал голос узник из дальнего угла, – я что-то совсем не хочу помирать. И рабом ещё больше быть не хочу.

– Да и незачем! – сказал Нага, распутавшись и разрезая верёвки у своего соседа.

– Что же теперь будем делать? – спросил кто-то.

– Как что? Бежать! – ответил Нага.

– Ну, ежели так, то айда!

– Тише! – остановил ринувшихся к выходу людей Нага. – Выходим по одному и разбегаемся в разные стороны. Сейчас снег идёт, и он быстро заметёт наши следы.

Он первым подошёл к стене. Но она была крута и, вымокнув под таявшим снегом, сделалась скользкой. В стене не было ничего, за что можно было бы ухватиться или опереться.

Помогли освободившиеся узники. Они подсадили его снизу. Выпрямившись, Нага ухватился одной рукой за край ямы, подтянулся и другой рукой ухватился за кол, вбитый рядом с входом. Ловким прыжком он выскочил наверх...

* * *

Албасты зарылся лицом в подушку, словно желая выдавить, вытеснить из головы образ Амины. Но воспоминания не исчезали, а лишь ускоряли свой бег, и всё новые и новые картины одна за другой, как яркие пятна, проносились перед его закрытыми глазами. Вспоминается всё, что случилось за последнее время: покойный Жарден, доверчиво смотрящий в его глаза, Амина... И он, Калык, который забавлялся всем этим. И жил с ними рядом, ел из одного котла, пил. Теперь ему в мучительном бреду казалось, будто он испортил им жизнь. Растоптал их, раздавил и уничтожил. Потом его мысли окончательно спутались, и ясным осталось только одно: Жарден убит, потому что он, Калык, предательски ударил его сзади кистенем по голове, Амина где-то скрывается, а вот Садык...

Албасты вышел из юрты. Калык умер подвешенный за шею на дереве казаками. А из него возродился Албасты – злой дух, который...

Увидев, что один из пленников, уцепившись за край ямы, пытается выбраться наружу, он, закипая от ярости, закричал:

– А ну вставайте, хорьки вонючие! Скорей, проклятые. Рабы разбегаются, а они...

Из юрт выскочили его беспечные воины.

– Где? Кто? Куда? – растерянно выкрикивали они.

– Всех переловить, а то вас самих на кол всех пересажаю!

Сабарманы бросились отлавливать разбежавшихся узников. Тех, кого ловили, тут же избивали прикладами ружей и нагайками. Избиваемые жутко кричали.

– Вай, вай, вай! – истошно вопили они. – Аллах... Господь... Смертушки пошлите. Смертушки нам пошлите-е-е...

Вскоре всех беглецов выстроили перед юртой Албасты.

– Все здесь? – хмуро спросил он.

– Как будто все, Албасты, – ответили разбойники.

– Верните их в яму да привяжите покрепче. Если ещё раз разбегутся, посажу вас вместе с ними.

Он окинул своё воинство презрительным взглядом и вернулся в юрту. Сабарманы вооружились крепкими ремнями, бросали в сторону беглецов ругательства и проклятия.

– Вот они, бараны смиренные! Разбежались, как крысы, и верёвки порезали!

– Только как вот они это сделали?
– У них был нож, а мы и не заметили!
– А ну нож отдайте, скоты! – набросились на пленников разбойники, и в воздухе засвистели плетки.
– Нет у нас ножа, – закричали они, закрываясь руками от наносимых ударов.
– А я вам говорю: отдайте! – заорал один из сабарманов и ударил ближайшего пленника по окровавленной голове.
– Не бей, а то помрет, – ухватил его за руку стоявший рядом разбойник. – Мы лучше обыщем их всех!
– А подохнут, шайтан с ними!
– Ишак тебя нюхал, Сабир! А кого мы на базар в Хиву погоним?
Всех обыскали, но ничего режущего не нашли. Пленников опустили обратно в яму и опять крепко-накрепко связали. Один из кольев оказался «незанятым».
– О Всевышний, один сбежал! – бледнея, проговорил один из разбойников.
– Их было тринадцать.
– Сколько их сейчас?
– А теперь их двенадцать.
– Так, убежал тот, молодой, которого мы в Сеитовой слободе сцапали!
– Если Албасты узнает, он шкуру с нас спустит!
– И что делать будем?
– Надо обыскать степь.
– Слушайте вы, – обратился джигит к пленникам. – Отпущу сразу того, кто мне скажет, куда побежал отсутствующий пленник.
– Вон в ту сторону! – отозвался один, указывая на то место, где вылез Нага.
Когда сабарманы подошли к краю ямы, один из них увидел оброненный нож.
– Вот чем они разрезали верёвки! – показал он всем свою находку.
– Быстро по коням, – закричали разбойники. – Он не должен далеко уйти. Мы его быстро догоним!
У ямы оставили двух караульных, а все остальные вскочили на лошадей и умчались в степь.
Через пару часов они вернулись.
– Ну? Где он? – спросил вышедший из юрты Албасты, которому успели донести об отсутствии Наги и его поисках в степи.
– Как сквозь землю провалился. Даже следов не нашли, – оправдывались сабарманы.
– Значит, утром я начну искать виновных среди вас, – разозлился Албасты. – Лучше бы вы этих всех баранов не нашли, а его...
Он злобно выругался, погрозил всем кулаком и вернулся в юрту.

* * *

Утопая по пояс в снегу, Нага отбежал от стоянки разбойников метров на сто, после чего растянулся на снегу с твёрдым намерением не поддаваться дремоте и, чтобы не замёрзнуть, бодрствовать всю ночь. Уходить в степь было бы безумием. В лучшем случае его настигла бы погоня. А в худшем – он непременно бы заблудился и...

«Лучше бодрствовать у юрт сабарманов, пока меня в степи ищут!» – подумал он, наблюдая, как снег засыпает его с ног до головы. При его душевном состоянии выполнить это решение было нетрудно. Он не испытывал ни малейшей усталости, во всём теле чувствовалась лёгкость, голова была полна светлых мыслей.

Над степью царила тишина, ничто не нарушало течения мыслей Наги. Он спрятал мёрзнувшие руки в рукава полушубка и стал пристально смотреть в сторону разбойничьей стоянки. Но не видел ни одной юрты, перед глазами его проходили события последних дней.

С всё возрастающей радостью припомнил он происшедшее, а в голове вырисовывался замечательный план. Он старательно внушал себе, что если хорошо постараться, то возможно всё. И тогда ему всякий раз приходилось бороться с собой: его неудержимо тянуло войти в юрту Калыка и немедленно, собственными руками придушить его или прирезать.

Проведя в степи чуть больше двух часов, Нага почувствовал, что начинает замерзать. Всё больше и больше тянуло ко сну, а это верный признак переохлаждения и надвигающейся смерти.

Решив рискнуть, он вернулся на стойбище сабарманов и, стараясь не попасться караульным, зарылся в снег у юрты Албасты. Он напряжённо прислушался и удивлялся, что из юрты не доносится храп главаря разбойников. Может быть, Албасты вовсе не спит? Нет, это невозможно. По нему было видно, что разбойник устал до изнеможения. Нага был также уверен, что Калык в юрте один.

Побуждаемый осторожностью и в то же время потребностью двигаться, чтобы не замёрзнуть, он встал, крадучись обошёл вокруг юрты, часто останавливаясь, замирая и прислушиваясь. Напряжённее всего он прислушивался у входа в юрту, как будто из неё могла исходить самая большая опасность. Наконец, к его большой радости, послышался знакомый издавна храп вожака разбойников, которого он так долго ждал.

Откинув полог, он быстро вполз в юрту. Албасты спал, укрывшись шкурами. Его сон был так крепок, что он не услышал, как Нага подкрался к его ложу и осторожно вытянул из ножен саблю. Албасты встрепенулся и перестал храпеть лишь тогда, когда остриё лезвия коснулось его горла, а грозный голос Наги строго предупредил:

– Только посмей пикнуть, Калык. Я сразу же перережу твоё горло!

В том, что именно так он и поступит, Албасты не усомнился даже на секунду. Он лишь нервно облизал кончиком языка пересохшие губы и прошептал:

– Чего тебе надо, Садык?

– Смотри-ка, ты и впрямь воскрес! – воскликнул насмешливо Нага, и его глаза злобно сверкнули. – А я думал, куда исчез мой раб? Едва не запил от горя!

Будь перед ним любой другой человек, Албасты ответил бы резко. Кровь и сейчас бросилась ему в голову, но он сдержался и ответил тихо, почти умоляюще:

– Садык, ты вправе надо мной насмеяться. Ты всегда был сильнее, умнее и проворнее меня. Разок хотел тебя переиграть, но, как всегда, всё получилось иначе.

Что-то тронуло жестокое сердце Наги – то ли смиренный, униженный тон, какого он никогда ранее не слышал от своего «раба», то ли его жалкое существо, дрожавшее под толстыми шкурами не от холода, а от страха; поэтому Нага сказал уже гораздо мягче:

– Что ты собирался со мною сделать?

– Хотел сделать тебя своим рабом, – тихо ответил Албасты.

– И ты думал, что это у тебя получится?

– Не думал, но хотел попытаться. Но Всевышний не помог мне.

– Аллах никогда не помогает проходимцам и злодеям! – тихо рассмеялся Нага, чувствуя свою победу над Албасты. – А мне уготовлена свыше миссия всегда ломать твои коварные намерения. Ты не можешь и не мог никогда ничего делать без посторонней подсказки, Калык. И вот я снова с тобою рядом. Мы снова вместе в моей юрте.

– В твоей юрте? – переспросил Калык, предчувствуя недоброе.

– А что такое? – резко спросил Нага. – Всем, чем владел ты, теперь снова владею я. И если за убийство в слободе моих родственников я тебя всё ещё не прирезал, то это большая милость с моей стороны.

– Я не собирался их убивать, – угрюмо ответил Калык. – Махмуд сам на смерть напросился!

– Махмуд мог «напроситься», согласен, – ухмыльнулся Нага. – Но только не его отец, жена, слуги.

– Но я...

– К чему напрасно отпираться? Ведь мы «старые друзья» и может даже «братья»! Между нами недомолвок и тайн быть не должно. Или ты так боишься моего гнева? Не бойся притязаний с моей стороны, хоть я и не был бы слишком огорчён, увидев тебя на виселице.

– Я на ней уже был, – ухмыльнулся Калык. – Только вот тогда Всевышний пришёл ко мне на помощь.

– Что-то ты не очень-то похож на мертвеца, побывавшего на виселице, – окинул его скептическим взглядом Нага. – И когда успел ты в петле поболтаться?

– Тогда, когда ты отправил меня вывезти из Оренбурга графа и его слугу.

– И что? Они проснулись и успели высвободиться?

– Нет, нам встретился отряд казаков из Сакмарского городка.

– И они тебя повесили?

– Да, как только нашли в телеге графа, его огромного слугу и мёртвого лакея из городской гостиницы.

– Тогда почему ты жив? – спросил Нага язвительно. – Казаки обычно делают любое дело добротнo, на совесть?!

– Сам не знаю, – поморщился от неприятных воспоминаний Калык. – Когда очухался, казаков уже не было, я лежал под деревом с обрывком верёвки на шее. А тот второй, что был со мной, так и висел.

– И что ты предпринял потом, я догадываюсь, – рассмеялся Нага. – Ты собрал всех людей и упорхнул с ними из-под моего крылышка.

– Так и было, – вздохнул, соглашаясь, Калык. – Я слишком был рассержен на тебя, Садык.

– Интересно почему? – удивился Нага. – Что не я, а казаки вздёрнули тебя? Причём вполне заслуженно.

– Я исполнял твой приказ, негодяй, за то и поплатился, – прорычал яростно Калык, теряя терпение.

– Плохо исполнял, раз вляпался, – съязвил Нага. – За такую работу тебя трижды надо было повесить!

– Я ведь в твоих руках, ты можешь и сейчас лишить меня жизни, если это тебя позабавит, – съязвил в свою очередь и Калык.

– Ты прав, у меня есть такое желание, – проворчал Нага, слегка покраснев от досады. – Это придает делу более серьёзный оборот. Мне очень хочется повесить тебя кверху ногами или разорвать на части лошадьми. Я сейчас тут беседую с тобой лишь потому, что ты и твои сабарманы мне очень нужны.

– Я? – не веря своим ушам, едва не подпрыгнул от изумления Калык. – А мне казалось, что наша с тобой встреча не очень-то тебя обрадовала.

– Ты, как всегда, ошибаешься, «брат мой» тупорылый, – ядовито улыбнулся Нага. – Мы с тобой много прожили вместе, особенно когда ты учился за границей на деньги моего отца. Что мешает нам помириться и впредь оставаться друзьями? Подумай, твоя жизнь сейчас в моих руках. А долг могущественных людей – проявлять милосердие и великодушие к таким, как ты, недотепам!

– Я сам могу прощать или казнить, – проворчал подавленно Калык. – Нечего тебе меня учить. И ты не посмеешь меня убить, если сам хочешь живым остаться.

– Ты же знаешь, пёс, что меня ничего не остановит, – возразил Нага серьёзно и печально. – Итак, мир между нами или война?

– А как ты сам думаешь, что я могу выбрать с саблей у горла? – ухмыльнулся неприязненно Калык.

– Слушай, а ты прав, – прищурился Нага. – С саблей у горла ты выберешь «мир», а потом меня предашь и убьёшь. Тогда я предлагаю поступить иначе.

– Как это иначе? – насторожился Калык, привыкший не доверять Наге и ожидая подвоха.

– Мы вспомним тот уговор, который существовал между нами до твоей «скоропостижной смерти!» – убирая саблю от горла Калыка, пошутил Нага.

– О чём ты говоришь? – ещё больше насторожился Калык.

– Об твоей Амине и моём золоте, – ответил Нага спокойно. – Мне золото отца, которое она украла, а тебе девку на вечное владение!

– З-заманчиво, – процедил сквозь зубы взволнованный Калык, усаживаясь на своём ложе. – У тебя, конечно же, есть какой-то план, как всё это нам вернуть?

– Безусловно, – ответил Нага. – Иначе я бы не искал встречи с тобою сегодня, а давно бы был очень далеко от твоего разбойничьего гнёздышка!

Калык поморщился. Ему не нравился тон, который Садык выбрал для беседы с ним. Да и сам он ему не нравился. Не верил ему Калык. Ни одному слову не верил. Но Садык мог вывести его на Амину и её убежище. Сомнительно. Но стоило того, чтобы «согласиться» на предложение этого пронырливого сукина сына. А потом жизнь покажет, как с ним поступить!

– Хорошо, – наконец сказал он. – Я согласен с тобой помириться и возобновить «прежнюю дружбу», но только на равных! И если я вдруг замечу, что ты собираешься меня надуть...

– Не заметишь, – двусмысленно высказался Нага. – Мне Амина не нужна, уясни себе раз и навсегда. Мне нужны только мои деньги, и не более!

– Говори свой план, – сказал Калык. – Мне интересно знать, что ты задумал?

– Прежде всего хочу сказать, что я видел Амину не так давно в Оренбурге на базаре, – ошарашил его своим неожиданным ответом Нага.

– Не может быть?! – выдохнул Калык, едва совладав с охватившим его волнением.

– Как тебя видел, клянусь Аллахом! – довольный произведённым на собеседника эффектом, небрежно дополнил Нага.

– И что она там делала? – Калык едва владел одеревеневшим языком.

– Не верблюдами же торговала. Как ты думаешь?

– Наверное, нет.

– Вот и правильно. Меха она там покупала.

– Какие меха?

– Выделанные.

– Для чего?

– Ну а это ты потом сам у неё спросишь!

Нага самодовольно улыбнулся.

– А что не спрашиваешь, как она восприняла нашу встречу?

– Догадываюсь. Обмерла, наверное?

– Точно сказано, именно обмерла! Едва промеж рядов на землю не рухнула.

– А потом что?

– Ясное дело. Наутёк от меня пустилась!

– А ты за ней?

Прежде чем ответить, Нага противно хохотнул.

– Ты что, меня в один ряд с собою ставишь? Если сам дурень, думаешь, и я тоже?

– Не томи, говори, что дальше было? – проглотив оскорбление, нахмурился, но не вспылал Калык.

– С ней два мужика вооружённых были, – охотно продолжил Нага. – Если бы я только дёрнулся следом, то сейчас не выворачивал бы здесь свою и твою душу!

- И как же теперь искать её будем? – озадачился Калык, начиная нервничать и злиться.
- Я за ней цыгана отправил, чтобы путь её проследил, – ответил Нага.
- И что? Он проследил? – с надеждой в голосе поинтересовался Калык.
- Наверное, – пожал неопределённо плечами Нага.
- Он что, тебе не рассказал о том?
- Не успел. Благодаря тебе я здесь, в твоём вонючем логове, а не беседую с ним на ярмарке.
- Ты его хорошо запомнил?
- Конечно. Вот только имечко выспросить не успел. Но он цыган приметный!
- Обскажи, каков на вид он? – засуетился Калык. – Я туда людей пошлю, и они весь базар перевернут!
- Не стоит там погромы устраивать, – возразил Нага, – Оренбург не степь дикая, где ты себя хозяином чувствуешь. И лишнее внимание нам сейчас ни к чему.
- А ты какой совет дашь?
- Мне самому в город ехать надо.
- Ишь ты, удрать захотел?
- Даже не мыслю об этом. Без тебя и твоих сабарманов я денег своих вернуть не смогу.
- Калык замолчал. Он почувствовал, что Садык чего-то недоговаривает. Но уличить его ни в чём не мог. И, не находя другого выхода, решил рискнуть.
- Будь по-твоему, поезжай. Но с тобой поедут два моих воина. Не думай, что я тебе не доверяю, просто «уберечь» хочу!
- Согласен я, «брат», – улыбнулся понимающе Нага. – Прямо гора с плеч от «заботы» твоей.
- Когда отправляетесь? – поморщился Калык.
- Прямо с утра и едем! Только кошель мой верни. Там тридцать серебряных рублей, которые я пообещал цыгану.
- Верну, не беспокойся. И опий твой верну, но только тогда, когда с вестями хорошими обратно воротишься!

Глава 9

Граф Артемьев пришёл на приём к губернатору. Рейнсдорп встретил его приветливо, с искренней радостью. Он расспрашивал, как граф устроился, и обещал помочь, если в том возникнет надобность.

– Я слышал, что вы хотели со мной встретиться лично, уважаемый Иван Андреевич? – спросил граф.

– Именно так, Александр Прокофьевич, – ответил Рейнсдорп, сияя приветливой улыбкой. – Я очень много хорошего слышал о вас. И вот захотел лично познакомиться.

– Теперь мы сможем видеться чаще, ваше превосходительство, – улыбнулся граф. – Я решил поселиться в вашем городе на некоторое время.

Губернатор непонимающе посмотрел на него и насторожился:

– Смеею вас заверить, что решение ваше поспешно, господин граф.

– Хотелось бы знать почему?

– Оренбург и его окрестности не самое хорошее и безопасное место для счастливого проживания, Александр Прокофьевич!

Граф стал очень внимателен.

– А я слышан, что Оренбург – очень хорошее место для торговли, – сказал он. – Мое состояние приходит в упадок, и мне очень хотелось бы восстановить его и преумножить!

– Вы решили заняться торговлей? – опешил губернатор. – А я, признаться, слышан о вас как об очень состоятельном дворянине.

Прежде чем продолжить разговор, граф достал из кармана камзола несколько бумажных пакетов и положил их аккуратной стопкой на стол перед губернатором.

– Что это?! – удивлённо вскинул тот брови.

– Рекомендательные письма, – ответил граф и подчеркнул: – От очень влиятельных персон из Петербурга!

Губернатор пробежался глазами по надписям на пакетах. Артемьев с наслаждением отметил, как тому сделалось дурно. Лицо приняло нездоровый землистый оттенок, вытянулось, а руки задрожали.

– И все эти люди...

– Мои хорошие друзья, – закончил за него фразу Александр Прокофьевич. – Надеюсь, их представлять вам не надо?

– Что вы, конечно же, нет! – залебезил губернатор. – Кто же не знает таких людей, как... Он закашлялся и едва не поперхнулся.

– Прошу прощения, – борясь с удушливым кашлем, проблеял он. – Я... я сейчас... Только вот водички выпью.

Граф поднялся с кресла, взял со стола графин и наполнил стакан водой.

– Вот вам водичка, Иван Андреевич, – сказал он. – Только снова не поперхнитесь.

– Позвольте узнать, какой вид торговли вы предпочитаете? – не спросил, а прошептал угодливо справившийся с приступом кашля губернатор. – Я помогу вам в любом начинании!

Он выглядел обескураженно и нелепо. Графа покоробили происшедшие с губернатором перемены после прочитки им надписей на рекомендательных письмах.

– Я хочу торговать шляпками в салоне Жаклин де Шаруэ, – сказал он. – Это пока, для начала. Затем обживусь, осмотрюсь и определюсь, чем можно ещё заняться.

Граф хорошо продумал свои ответы и теперь ждал вопросов или возражений, чтобы развить мысль.

– Я впервые слышу, что француженка собирается продать свой салон, – удивился губернатор. – Странно, но её торговля – единственное шляпное заведение в Оренбурге и, как мне докладывали, всегда приносило мадам де Шаруэ весьма значительный доход.

– Госпоже Жаклин наскучил ваш город, и её влечёт обратно во Францию, – спокойно ответил граф. – Людям, не имеющим корней в России, трудно понять и принять нравы и обычаи нашей страны. И от этого им становится трудно здесь ужитья...

– Да, я вас понимаю, Александр Прокофьевич, – с пониманием посмотрел на него губернатор. – Эта леди действительно могла себя чувствовать неуютно в Оренбурге. Ха, Париж и наш город – разного поля ягоды! Теперь мне стало ясно, почему госпожа де Шаруэ вела замкнутый образ жизни и не имела друзей.

– Вы говорите это так, Иван Андреевич, словно чувствуете какую-то вину перед этой особой? – ухмыльнулся граф.

– Скорее не вину, а некоторую досаду, – поморщился губернатор. – Я поручил ей весьма деликатное и щепетильное дело, а она...

– Не оправдала ваших надежд, – дополнил граф, бесцеремонно перебив на половине фразы хозяина кабинета. – Я уже наслышан о ханской дочери Ании и об её таинственном исчезновении!

– Теперь ума не приложу, что говорить хану Нурали обо всём этом безобразии, – посетовал губернатор. – А девчонка как сквозь землю провалилась.

– Я вам сочувствую, Иван Андреевич, – сказал граф. – И обещаю подумать над тем, как вам помочь! А теперь разрешите откланяться, ваше превосходительство. Я хотел бы отложить нашу беседу, если вы не возражаете.

– Как, вы собираетесь уходить?

Губернатор вскочил. Переменчивые пятна заиграли на его щеках.

– Вы меня не поняли, Иван Андреевич, – вставая, поправился граф. – Я прошу вас отложить разговор до вечера. – Он осмотрелся, поморщился и продолжил: – Не люблю казёнщины при душевной беседе. Если ничего не имеете против, то я навещу вас дома вечером, с дружеским визитом.

– Всенепременно жду вас, Александр Прокофьевич! – просиял губернатор. – Я и моя дрожайшая супруга будем рады видеть вас в нашем доме.

* * *

Граф вернулся в дом Жаклин, готовясь к длинному, тяжёлому, решительному разговору. Он ещё верил, что она поймёт и ужаснётся сама от того, что натворила.

Но Жаклин, видимо, ждала его и готовилась к тем обвинениям, которые собирался выплеснуть на неё граф.

Красивая, с искусно растрёпанными волосами, она встретила его не слезами – нет! – не раскаянием, не стыдом – нет! – она набросилась на него с упрёками и оскорблениями. Она играла, ломая руки, презрительно кривя красивый рот.

– Трус! Никчёмный человечиска, – закричала она, как только граф вошёл в дом. – Я так не оставлю твоё насилие надо мной! Я схожу к губернатору и расскажу ему, как ты насильно лишил меня свободы!

«Что с нею? – подумал Александр Прокофьевич. – Ведь она лжива насквозь, каждое движение, каждый звук голоса. Было это в ней раньше, есть и сейчас!»

– Беснуйся, сколько хочешь! – резко сказал он, чтобы прекратить её игру, чтобы вызвать слёзы, злость, возмущение. – Всё равно это тебе не поможет!

– Мне не поможет?! – драматически воскликнула Жаклин. – Ещё как поможет! Я уничтожу тебя, граф Артемьев!

Ненависть к своей бывшей снохе была ещё слишком сильна в нём. И граф не дал сбить себя с толку.

– Сегодня ты ответишь на все мои вопросы, стерва, – спокойно сказал он, после чего посмотрел на застывшего у входной двери Демьяна. – Выведи всех отсюда, а мне дай заряженный пистолет!

– Ты думаешь, я испугаюсь? – взвизгнула истерично Жаклин. – Да ты и пальцем не посмеешь меня тронуть! Моё исчезновение сразу же станет известно в городе, и тогда тебе несдобровать, Александр Прокофьевич!

Он не ответил, а просто уселся в кресло, придвинул к себе столик и положил на него пистолет.

Жаклин дерзко и насмешливо наблюдала за ним стоя, подбоченясь и покачивая головой.

– Если не будешь отвечать мне правдиво, тогда ты умрёшь, Аннушка.

– Да я и рта не раскрою! – делано рассмеялась Жаклин. – Ты думаешь, я буду рыдать и умолять, чтобы вымолить у тебя прощение? Не дожدهшься!

Она была дерзка, она насмехалась, она дразнила его, пытаясь вывести из себя, потому что была уверена, что граф не причинит ей вреда, а только демонстрирует свою силу.

– Отныне в твоей безумной жизни я намерен поставить точку, – сказал граф настолько серьёзно, что у Жаклин не нашлось причин, чтобы ему не поверить. – Своими действиями ты заслужила только смерть, и я намерен привести свой приговор в исполнение!

– Хватит, всё! – закричала она уже испуганно. – Вон из моего дома, граф Артемьев!

– Ты ошибаешься, Аннушка, – усмехнулся Александр Прокофьевич. – С сегодняшнего дня твой дом стал моим. Кстати, и твой шляпный салон тоже!

– Раз так...

Не договорив, она ринулась в спальню и через минуту вернулась с большим, видимо, заранее подготовленным к отъезду баулом в руках.

«Лживая. Лживо всё! – скептически думал граф, наблюдая за нею. – Всё, всё ложь!» Она стояла перед ним в гордой позе, а он молчал.

Вскоре в глазах торжествующей Жаклин мелькнуло беспокойство. Должно быть, она поняла, что игра зашла слишком далеко. Она сказала дрожащим голосом:

– Лучше умереть, чем терпеть издевательства над собою!

Граф не ответил. Зачем? Чтобы поддержать её игру? Он взял со стола пистолет, взвел курок и, целя в её голову, выстрелил.

Комната окуталась дымом, а зеркало, висевшее на стене за спиной Жаклин, разлетелось вдребезги. И тут она с ужасом поняла, что если бы не шарахнулась в сторону, то пуля непременно пробила бы насквозь её голову.

Побледневшая Жаклин выронила баул и, едва дыша, рухнула на колени.

– Граф, пощади меня! – шёпотом взмолилась она. – Я жить хочу. Слышишь?

Он поднялся, не глядя на неё, спросил спокойно:

– Так ты будешь отвечать на мои вопросы?

– Да, – пролепетала она, глядя на графа таким взглядом, каким обычно смотрят грешники на ангела смерти.

В ту же секунду взбешенный граф сорвал с её головы шапку, ударом ноги отшвырнул баул в угол и, рванув её за руку, швырнул на пол так, что она больно ударилась плечом о стену.

– Ты мне всё скажешь, сука! Всё, что я только захочу. И не думай, что кто-то здесь захочет за тебя вступиться. Тебя нет! Всё! Была и нету! Губернатор уже сожалеет о том, что ты «продала» мне свой дом и салон. А ещё он сожалеет о том, что ты «уехала» из Оренбурга в Париж, даже не попрощавшись с ним, «милая» Жаклин!

Она смотрела на него с удивлением и с каким-то диким восторгом, машинально потирая ушибленное плечо. Теперь Жаклин уже не играла. Она была удивлена. Она никогда не видела графа таким разъярённым.

– Итак, вопрос первый, – сказал граф, вернувшись в кресло. – Ты почему похитила мою дочь, стерва?

Жаклин съёжилась от хлёстких слов, как от удара, но ответила:

– Чтобы привязать к себе Архипа.

– Архипа? – удивился граф.

– Да, кузнеца из вашего имения.

– А для чего тебе это понадобилось? – наседал сурово граф.

– Потому что я люблю его.

– Вздор! – загремел граф. – Ты не способна никого любить, фригидная жалкая дрянь!

– Ошибаешься, сударь, ещё как способна!

– А тебе ведомо, кто есть Архип?

– Да. Он внебрачный сын вашего сиятельства!

Граф поднял брови. Его руки задрожали, а лицо побледнело.

– Откуда тебе это известно? – глухо спросил он, устремив на Жаклин тяжёлый взгляд.

– Мой муженек покойный рассказал, – упавшим голосом ответила она. – Он потому и выделял Архипа среди своих крепостных и свято хранил его тайну.

– Тогда почему он открыл эту тайну именно тебе?

– Не знаю. Наверное, досадить мне хотел, – предположила Жаклин. – Когда он Архипа с усадьбы выпроводил, я разнос ему устроила. Вот он не выдержал и высказал, что я спуталась с вашим внебрачным сыном!

– Все знали, что Архип мой сын, кроме меня, – нахмурился граф и бросил полный презрения взгляд на свою «собеседницу». – И ты, конечно же, поверила словам моего брата?

– Сразу! Я вдруг поняла, на кого похож юный кузнец! Видя его, я всегда задавалась вопросом, на кого он похож. И это всегда мучало меня. А когда мой гадкий муженёк сказал про ваше с ним «отдалённое» родство, я сразу ж прозрела!

– И это не остановило тебя, несчастная грешница? – загремел возмущённый граф.

– Напротив. Я полюбила Архипа ещё больше и поклялась разыскать его хоть на краю света!

– А дочка? Машенька моя для чего тебе понадобилась? Чем провинилась перед тобой моё несчастное дитя?

– А вы не догадываетесь? – как хищница, оскалилась Жаклин. – Да в первую очередь, чтобы досадить вам, милостивый государь! Если бы вы только знали, как я вас люто ненавижу! Похитив девочку, я хотела этим сломать твою проклятую жизнь и, как вижу сейчас, вполне преуспела в своём желании!

Услышав это кощунственное, переплетённое с ужасающим цинизмом признание, граф вздрогнул и сжал кулаки. Еще мгновение, и он ринулся бы на мерзавку, но... что-то очень веское остановило его от безрассудного поступка.

– Ты лжёшь, поганка, – прохрипел он взволнованно. – Мою жизнь разрушить ты могла бы и другим способом. Тебе ничего не стоило просто убить мою дочь, как ты убила моего несчастного брата, а не таскать её долгих пять лет за собою.

– Я удивлена вашей пронизательностью, Александр Прокофьевич, – натянуто улыбнулась Жаклин, к которой вернулось самообладание. – Вначале именно так я и собиралась поступить.

– И что же тебя остановило? Может быть, Господь Бог?

– Может быть, и Он. Не знаю. Просто, глядя на твою дочь с бокалом яда в руках, я неожиданно подумала...

– Что взбрело в твою порочную башку, негодяйка?! – заревел граф, которого очередной раз покоробили наглые и полные цинизма слова Жаклин, говорившей об его обожаемой дочурке как о какой-то презренной вещице.

– Я решила использовать её! – расхохоталась злобная бестия. – Девчонка очень похожа внешне на вас, граф Артемьев, и на вашего бастрюка Архипа. Вот я и решила похитить её, чтобы найдя Архипа, представить ему Марианну как дочь мою и его!

– Ты поистине сама Сатана, а не женщина! – воскликнул пораженный услышанным граф. – И как только Бог допустил твоё появление на свет белый?

– Допустил, раз видишь меня перед собой, – перестав хохотать, змеёй прошипела Жаклин. – Жаль, Архип не попался на мою уловку. Не поверил, мерзавец, моим словам. Если бы он поверил, то и девочка была бы живой, и мы были бы уже очень далеко отсюда!

– Ты ещё набралась наглости обвинить Архипа в смерти его сестры?! – ужаснулся граф.

– Выходит, что так! – с вызовом ответила торжествующая Жаклин. – Как бы то ни было, девчонка мертва! А вы и не знаете, где могила её, Александр Прокофьевич?!

– Ничего, рано торжествуешь, исчадие ада, – процедил сквозь зубы доведённый до отчаяния граф. – Через несколько минут я загоню тебя обратно в котёл с кипящей смолой, из которого ты по недосмотру Иисуса Христа каким-то непостижимым образом удачно выскользнула.

– Тогда стреляй, ваше сиятельство, – улыбнулась Жаклин. – Жаль только, что не успела сгноить в подвале твоего незаконнорожденного сыночка. Мне надо было послушать Анжели, и...

Она осеклась, поздно поняв, что успела сболтнуть лишнее.

– Что ты сказала, мразь? – вскочил с кресла граф. – Выходит, сын мой жив?

– Только благодаря моему слуге-интригану, выпустившему его из подвала, – поморщилась, как от зубной боли, Жаклин. – Я для него жизнью своей была готова пожертвовать, а он...

– Жив! Жив сынок мой! – возликовал граф, взволнованно шагая по комнате взад и вперёд, словно позабыв про существование Жаклин на грешной земле. – Выходит, не солгала Мариула, не позволяя проливать по нему слёзы на кладбище! – Он резко остановился возле насупившейся Жаклин. – А теперь... Прямо сейчас ты мне расскажешь, как нашла его в Сакмарском городке и как его оттуда похитила!

– Ты не очень-то радуйся, граф Артемьев, – сказала она с едкой усмешкой. – Я не скажу тебе, как нашла Архипа и тем более как его похитила. А скажу тебе то, что бастрюк твой, прижитый во грехе тобою, милостивый государь, тоже не ангелочек с крылышками. Он, убегая от меня, похитил дочку хана Нурали, жившую в этом доме под моей опекой. Когда они успели снюхаться, одному сатане известно. Но теперь Архипушка твой беглый преступник!

– Не тебе судить, кто мой сын, Аннушка, – посмотрел на нее сверху вниз остановившийся рядом граф. – Я найду его. И княжну найду тоже. А теперь скажи-ка мне, грязная девка, как ты посмела держать на цепи моего сына? Взаперти... в сыром подвале... Ты же знала, кто он?

– Я больше не произнесу ни слова, – заартачилась она. – Я и так сказала вам слишком много.

– Ты мне ещё ничего не сказала такого, что могло бы полностью удовлетворить мое всё возрастающее любопытство, – ухмыльнулся граф. – Теперь мне хотелось бы поговорить о некоем месье Анжели, дорогуша!

Увидев его напрягшееся лицо, Жаклин запаниковала. Такого неудержимого страха ей не приходилось переживать никогда. Она сидела на полу не дыша. С трудом переведя дыхание, сказала почти шёпотом:

– Об этом господине я не знаю ничего!

– Именно такого ответа я и ожидал, – спокойно отреагировал на её лживый ответ граф. – А не ты ли мне рассказала, что именно этот мерзавец застрелил мою Машеньку? А быть может, это ты приказала ему совершить это неслыханное злодейство?

- Нет, он убил девочку по своему желанию, – угрюмо пробормотала Жаклин.
- А почему он это сделал? Чем могло помешать ему несчастное дитя?
- Ваша дочь была помехой для его замыслов.
- Каких замыслов?
- Я не знаю. Он никогда не посвящал меня в свои планы.
- Тогда какая такая «дружба» связывала вас?
- Никакой дружбы не было, – ответила Жаклин. – Он просто использовал меня как ширму для своих делишек.
- Каким же образом он это делал? – наседал граф.
- Не знаю. Он заставил меня обосноваться в Оренбурге и открыть шляпный салон.
- Ширма неплохая. Но для чего?
- В подвале салона он хранил деньги.
- Какие деньги?
- Медные.
- Гм-м-м... И много?
- Десятки бочонков.
- Они и сейчас в подвале?
- Не все. Там осталось всего только десять.
- А где остальные?
- Понятия не имею. Он их вывез куда-то.
- Так чем же помешала этому негодяю моя дочь?
- Я привезла её в Оренбург тайно, вопреки его воле, и скрывала долго от людей.
- Не вижу связи между деньгами, моей доченькой и причиной её убийства?
- Анжели боялся, что девочку могут увидеть. Он полагал, что на появление девочки бурно отреагирует местная общественность, – вздохнула Жаклин. – А это его не устраивало. А ещё его не устраивал ваш приезд в Оренбург, господин граф. Анжели испугался. Он понял причины вашего приезда, и это решило судьбу девочки!
- Теперь что, выходит, не ты, не Анжели, а именно я повинен в смерти своей дочери? – обомлел от такого кощунственного обвинения граф.
- Бог свидетель, я была против смерти девочки, но Анжели меня и слушать не захотел, – начала оправдываться Жаклин. – А теперь не мучайте меня, Александр Прокофьевич, а лучше убейте, если хотите.
- Граф понял, что негодяйка рассказала ему почти всё, что знала. И он решил прекратить свой допрос «с пристрастием».
- Демьян, – позвал он слугу.
- Здесь я, Ляксандр Прокофьевич, – вбежал тот, с беспокойством глядя на своего разгневанного господина.
- Запри эту дрянь, – граф указал на съезжившуюся Жаклин, – в её спальню и выставь рядом с дверью стражу. Всем, кто в этом доме, передай, чтобы глаз с неё не спускали и не разговаривали с ней!
- А кормить, поить? – спросил Демьян.
- Это можно. Но только не перекорми!
- Огромный Демьян, без особых усилий, как куклу, поднял Жаклин с пола и, легко держа её на вытянутых руках понёс, как приказано, в спальню.
- Пусть ко мне приведут Баркова, – крикнул ему вслед граф. – Но не сейчас, а чуть позже. Приблизительно через час!

Глава 10

Амина долго обсуждала с Архипом вопрос «что делать?». Потом они срочно созвали сход жителей, на котором объявили о том, что всем нужно идти в лес, особенно мужчинам.

– Сладим! За нами дело не станет! – уверяли мужики.

Мужское население Степных Огней разделилось. В то время, когда одни валили лес и обрубали сучки, другие на санях перевозили брёвна в умёт.

Лесорубы выстроили шалаши и жили в лесу. Возвращаться домой после тяжёлой работы не было сил. Трудились с утра до ночи. Чтобы сэкономить время, точили пилы и топоры после работы.

Архип руководил людьми, не жалея себя. Целыми днями он пропадал в лесу, но остаться там на неопределённое время не решался. Он ежедневно говорил себе, что заготовка леса для укреплений – самая важная часть подготовки к обороне и его присутствие на вырубке просто необходимо. Но когда он попадал домой, тяжёлый дурман любви размягчал волю, притуплял сознание. Он мучился, задыхался, терял себя и снова с наступлением утра находил свою былую сущность, но лишь для того, чтобы на протяжении дня терзаться вдвое сильнее.

Ания по-прежнему была нежна и лукава. Он видел, что девушка очень любит его и не скупится на ласки. И он любил её тем острее и неутомимее, чем лучше понимал, что только она занимает все его мысли и сердце своим необъяснимым очарованием. Иногда на вырубке, вдали от неё, он спрашивал себя: «В чём дело? Когда же это всё закончится? Ведь знаю, что любит, тогда чего эдак мучаюсь?» Но он тут же сам себе отвечал: «Ничего, всё зараз сладится, всё образумится. А крадусь я к ней в спальню ночью, как вор, ухожу от неё разбитым и пустым, словно яйцо выеденное... Господи, как я люблю её!»

Как-то раз в лес на вырубку приехала Амина. Она собрала вокруг себя всех:

– Как долго ещё лес валить собираетесь?

Архип нахмурился. Он ещё минувшим вечером сказал ей, что работы в лесу осталось на два дня. Так чего ради она вдруг появилась на вырубке? Чтобы лично убедиться – не лжёт ли он?

Мужики затихли и смотрели по сторонам. Архип почувствовал, что они ждут, когда ответит за всех именно он.

– За два дня управимся, – сказал тогда Архип, пересиливая себя. – А там уж легче будет.

Амина поприсутствовала ещё какое-то время, после чего уехала. А мужики опять дружно навалились на работу.

Архип вкалывал наравне со всеми. Он старался отвлечься от мыслей об Ании, которые, как и прежде, не давали ему покоя. Архип работал так старательно и усердно, что не заметил, как стемнело, а усталость валила с ног. Эту ночь он решил провести с мужиками в лесу и решительно воткнул в ствол поваленного дерева топор.

Поздно ночью, на ворохе веток в шалаше, бодрствуя в холодной темноте среди храпа спящих, Архип пережил приступ безысходной тоски. Хотелось выть, кусать полушубок, умереть. Ания! Ания! Что ты делаешь сейчас? Он понял, что не может жить без неё ни единой минуты. Он тоскует по её лукавым глазам, по её ласковым словам, что она страшна ему своей красотой и недоступностью.

Вскоре физическая усталость одолела его. Отдав дань сомнениям любви и ревности, он заснул. А утром уже некогда было думать о личной жизни...

Через два дня, как и обещал Архип, с вырубкой леса было покончено. Уставшие мужики провели ночь в семьях, а с наступлением утра дружно вышли на работу в умёте.

По подсчётам Амины, заготовленных стволов должно было вполне хватить на обнос умёта высоким крепким частоколом. Ильфат привёз из города много оружия, большой запас пороха, а ещё больше топоров, молотков, пил и гвоздей.

Амина, к удивлению всех, «назначила» себя главным кашеваром. Её присутствие вдохновляло мужиков: у неё был неиссякаемый запас энергии и весёлости; ее любили, уважали и охотно слушали. Амина не стеснялась ударить или выставить на безобидное посмешище любого мужика и была внимательна и участлива.

В эти дни Архип очень подружился с ней. Он восхищался её весёлым спокойствием и завидной самостоятельностью. Амина освежающе влияла на Архипа. С нею все нерешённые вопросы казались проще, и она хорошо понимала его.

– Лечись, лечись, Архипушка, – сказала она однажды, глядя, с каким запалом он работает.

– А что? – откликнулся Архип, не совсем понимая, о чём она говорит.

– Дела больше – любви меньше, – как-то загадочно сказала Амина. – Всецело подчиняться любви, так лучше на свете не жить!

Он много думал о её словах. Конечно, она не знала и, видимо, не понимала такой любви, как у него к Ании. Хотя кто знает? Они с Аниёй очень любят друг друга. Но Амина, как думал Архип, не испытывала любви мучительной, томящей, разрушающей душу. Такую любовь она отождествляла с болезнью...

Он чувствовал себя день ото дня лучше. Частокол вокруг посёлка рос не по дням, а по часам. Мужиков охватил азарт строительства. К середине второй недели с начала работ по укреплению посёлка, азарт достиг высочайшей точки напряжения.

– Догоняй, Чубатый! – крикнул Архип крепкому мужику, трудившемуся рядом, и почувствовал себя таким же озорным мальчишкой, готовым пуститься наперегонки. – Только вот не догнать тебе!

Мужики трудились весь день небывалыми темпами. Весь в поту, несмотря на жестокий мороз, Архип не выпускал из рук пилы и то и дело весёлыми окриками подбадривал поселян.

Архип окончательно освободился от ощущения запутанности. Он ничего не забыл. Ания присутствовала и тут, и он любил её, но силы его окрепли, и голова была ясна. Подчиняя свои мысли ритму работы, он отрывисто говорил себе: «Ничего, всё сладится! Мы вместе, а это главное! Тяжело? Не помру! А я казак и казаком завсегда и буду!...»

Амина постучала скалкой по дну тазика – сигнал к окончанию работы и к ужину.

– Чубатый, кончай! – крикнул Архип соседу, продолжая лихо махать топором.

– А ты что же? – ответил тот, тоже продолжая заострять топором брёвна.

Они бы так и не остановились, но Амина опять вышла на крыльцо и застучала половником.

Мужики заторопились ужинать, потому что были очень голодны и надо было заполнить время до тех пор, пока женщины истопят баню. Конечно же, мыться на полный желудок тяжело, но изголодавшиеся работяги мирились с таким «неудобством».

Ближе к концу ужина Амина подошла к Архипу и тихо сказала ему на ухо:

– Как поешь, зайди ко мне. Сказать кое-что тебе надо.

– А где Ания? – насторожился Архип, ища девушку взглядом.

– Я уложила её спать, – ответила Амина. – Девушка выбилась из сил за последние дни и не следует мешать её отдыху.

Выбравшись из-за стола, Архип вышел на крыльцо. Да, он выздоровел. Он может быть счастлив внутренним жаром своей жизни, в нём силы хватит и для любви, и для преодоления, и для борьбы с врагом, если тот заявится.

Он поднял лицо и увидел красоту леса, снега, молодого месяца, запутавшегося в ветвях, синих теней на снегу...

Счастье! Как ты всегда неожиданно! Как ты всегда ново и необычно!

* * *

Этим днём, после полудня Амина разбирала свой гардероб. В дверь постучали.

– Войдите, – нараспев крикнула она и быстро приняла позу величественную и очаровательную. Она думала, что это Архип. Но вошла Ания.

– Ты что, замёрзла на улице? – небрежно бросила Амина. – А твой казак частокол ставит. Ты не заметила?

Ания стояла у двери, перебирая замёрзшими ножками.

– Нет... я к вам... Можно? – с усилием пробормотала она.

– Отчего же нельзя? – весело откликнулась Амина и погладила соболиную шубу. – Садись. Поскучаем вместе.

Девушка скинула свой скромный полушубок. Она надела сегодня не самое лучшее из одежды, которую ей дала Амина. Полушерстяное простое платьице, в котором она себя чувствовала свободно и тепло. Она чувствовала себя нарядной, когда шла на улицу. Но сейчас это чувство исчезло. Амина была в шикарном платье, и на ногах у неё были туфли, каких никогда не носила Ания. Девушка растерялась и почувствовала себя жалкой и уродливой.

– Скоро нечего будет носить, – болтала Амина, продолжая поглаживать великолепную шубу. – Вот и мех на шубейке выгорел, а другие даже одевать неохота. Вот тебе бы примерить их? Ты бы с ума свела всех оренбургских щеголей своей красотой!

Ание была приятна похвала, но снисходительно-весёлое обращение Амины оскорбило её. И она вспомнила, что пришла для другого, важного разговора. К тому же она не могла поддерживать болтовню о нарядах, хотя в другое время любила поболтать о платьях и туфлях, – сейчас эти интересы были слишком далеки от неё; со дня приезда сюда у неё не было ни одной достойной обновки, кроме тех, что ей выделила Амина.

– Вы выслушаете меня? – спросила она робко. – Мне очень хочется кое о чём вас спросить?

– Пожалуйста, спрашивай. Мне кажется, я никогда не отказывала тебе в беседе?

– Мне хотелось бы знать, не являемся ли для вас мы с Архипом обузой?

– Обузой? – Амина натянуто улыбнулась. – Разве я хоть чем-то намекнула, что не желаю вас видеть?

– Архипа очень беспокоит это, – сказала девушка. – Он считает, что мы с ним «сидим» на вашей шее!

– Вздор! Ваше присутствие никаким боком мне не помеха. Меня даже забавляют беседы с вами, скрадывающие моё одиночество.

– Архип... – Ания замялась и, не зная, что сказать, покраснела.

– Да ты, дорогая, просто влюблена в него, – смеясь, сказала Амина и оставила в покое шубу. – Влюблена, как говорят, по уши, – повторила она, со злым удовольствием разглядывая сильно смутившуюся девушку.

– Не влюблена, – на удивление твёрдо сказала Ания, – а я люблю его по-настоящему!

– Вот значит как, – ухмыльнулась Амина. – А ты не задумывалась часом, как отнесётся к этой так называемой любви твой отец? Сиятельный хан Малой орды Нурали едва ли даст согласие на ваше венчание!

– А что отец! – вскинула гордо голову девушка. – У меня ещё много братьев и сестёр, о которых ему ещё придётся позаботиться.

– Но он не смирится с тем, что одна из его дочерей собирается связать свою судьбу с нищим казаком! – возразила Амина. – Архип даже не мелкий дворянин, а простой казак. И он... Он тебе не ровня, княжна!

– Пусть не ровня по происхождению, но он красив и благороден! – воскликнула, негодуя, Ания. – Ради него я приму христианство, сменю имя и стану простой казачкой. Я не хочу коротать жизнь пусть с богатым, но не любимым человеком. Или, как ты, прятаться от людей в глуши, не имея рядом с собой любящего сердца!

Девушка не заметила, как перешла с хозяйкой посёлка на «ты», а её слова, брошенные сгоряча, сильно травмировали ранимую душу женщины. И что самое горькое – они были правдивы.

В дверь постучали. Пришёл Ильфат. Амина со злостью отшвырнула шубу.

– Убирайся вон! – закричала она. – Ты чего пришёл, если я не звала тебя? Убирайся на улицу и помогай мужикам. Сегодня я видеть никого не хочу!

Слуга захлопнул дверь, так и не переступив порога комнаты.

– Ну зачем ты так? – укоризненно покачала головой Ания. – Ты бы по-хорошему...

Но Амина упала на кровать и разрыдалась, истерически ломая руки. Девушка присела рядом, обняла её за плечи.

– Не плачь, я не хотела тебя обидеть, – заговорила она заботливо и рассудительно, как старшая с младшей. – Ты красивая и добрая. И ты ещё обязательно полюбишь.

Амина вдруг резко поднялась, отбросив обнимающую её руку.

– Хватит успокаивать меня! – сказала она упрямо и зло. – Или ты на самом деле думаешь, что удастся уболтать меня, дав конфетку и по головке погладив?

Девушка не ждала нового возмущения. Она сказала запальчиво:

– У меня и в мыслях нет успокаивать тебя, Айгуль. Я сказала, что думала.

Ания развернулась и выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

– Ну, поживём – увидим, – бросила ей вслед злобно Амина. – Во всяком случае, спасибо за откровенность.

Она смотрела в окно, как бежала к дому Прасковьи Мякининой девушка. Расскажет она Архипу или не расскажет? «Нет, – решила Амина, вспомнив, как разозлилась Ания, – она хорошая, не расскажет. Но, Боже мой, сколько обидного она наговорила! И какая уверенность – такое движение. Поздравляю, Айгуль, тебя поставили только что на место!»

Она содрогнулась. Какая гадость! Какая гнусность! А если узнает Архип? Если наша стычка вдруг дойдёт до него?

Раздался робкий стук. Ну, конечно, Ильфат выждал в другой комнате, пока госпожа успокоится и останется одна. Переступив порог, он упал на колени, умоляя свою госпожу не сердиться, как будто не она на него накричала, а он на неё.

– Она вас огорчила, госпожа Айгуль? – робко спросил он.

– Влюблённая дурочка, – скрипнув зубами, злобно проговорила Амина. – Да и он влюблён в неё по уши. Но я разрушу эту любовь! Чем эта девчонка меня лучше?

– О-о-о, вы намного красивее её, госпожа! – пылко воскликнул Ильфат.

Амина испытывала торжество. Вот бы услышала гордая ханская дочка!

– И всё-таки не смей демонстрировать при них своё пренебрежение! – сказала она решительно. – Веди себя с ними, как и всегда, вежливо и услужливо! А когда девушка вернётся, напои её чаем с сонной травой, чтобы до утра не проснулась!

Она отправила Ильфата и даже сама затопила печь. Когда женщины пришли за ней, чтобы пригласить отведать пищу, она прогнала их.

– Нет, нет! – сказала она. – Сегодня вы вполне обойдётесь без меня. До ужина, конечно...

* * *

Архип нервно теребил пальцами шапку. Молчать было тяжело. Он никак не мог взять в толк, для чего его пригласила к себе Амина. Хозяйка умёта молча сидела в удобном кресле и как-то по-особенному смотрела на него. Неожиданно она спросила:

– Архип, а ты действительно любишь Анию?

Казака поразил этот вопрос и то, что она для чего-то обманула его, заманив к себе. Он не выносил в людях лжи.

Ненатуральность их встречи, нелепость ситуации, в которой оказались они оба...

– Почему об этом интересуешься, госпожа? – подняв голову, громче, чем следовало бы, спросил он.

– Я бы сначала хотела услышать ответ на мой вопрос, – не отрывая глаз от лица Архипа, загадочно улыбаясь и, очевидно, думая о чём-то своём, тихо отозвалась она.

– Больше жизни люблю её, – выпалил казак.

– За что же ты её так страстно любишь? – вкрадчиво-тихим голосом спросила она. – За то, что её отец – хан Малой орды и ты надеешься получить от него большое приданое?

– Я полюбил её за красоту и доброе сердце. И меня не занимает то, примет её батюшка меня али нет! А на богатства мне вообще начхать. У меня есть вот эти руки, и я смогу прокормить свою семью!

– Архип! Архип! – словно в ужасе от услышанного, даже приподняв руку, остановила она его. – И это ты серьёзно?! Ты думаешь взять в жёны дочь повелителя Малой орды? Ты даже не хочешь задуматься над тем, какое огромное расстояние разделяет вас по рождению? Она княжна, а ты? Казак полунищий? Да хан в порошок сотрёт тебя. В пыль степную! Остановись, отрекись от неё, пока не поздно. Привезя сюда эту девушку, ты уже подписал себе смертный приговор!

Казак поднялся и внимательно посмотрел на Амину.

– А вы-то чего обо мне печётесь, госпожа? – спросил он. – Вам-то кака разница, кто я и с кем?

– Жалко мне тебя, – сказала она, печально улыбнувшись. – Ты сбился с пути. Ты ослеп! Из грязи в князи выбраться невозможно!

– Мне эдак не кажется, – смело возразил Архип. – Завсегда казаки азиаток полонили и в жены себе брали, не разбирая, кто они. Так что измениться могло? Я обычаев не нарушил, а коли хан пожалует...

– Сейчас время не то, пойми, – покачала укоризненно головой Амина. – Времена казацкого самоуправления давно канули. Теперь губернатор здесь решает, что можно и что нельзя! Хан Нурали всего лишь поговорит с губернатором, и всё. В лучшем случае ты сгниёшь заживо на соляной каторге или весь остаток жизни прогремишь кандалами в далёкой Сибири!

Слова, произнесённые Аминой, оказались настолько вескими для Архипа, что заставили его крепко задуматься.

– А что же теперь делать? – спросил он, не найдя для своих сомнений твёрдого и достойного ответа.

– Оставь её в покое. Отрекись от неё, – прошептала страстно Амина. – Я прикажу отвезти её в Оренбург и передать из рук в руки губернатору.

– А что вы хотите предложить мне, госпожа? – заподозрив неладное, нахмурился Архип. – Может, цепи на руки и...

– Тебе предлагаю я любовь свою, – перебив его, взволнованно заговорила Амина. – Я богата. Я очень богата, молода и красива! У Ании и гроша ломаного за душой нет. Ты думаешь,

для чего привёз её в Оренбург отец? Чтобы выгодно пристроить замуж. Пусть за захудалого родом, но богатого дворянчика! Но в планы хана не входило видеть дочь женою нищего казака!

– А вам, выходит, всё едино, с кем под венец идтить? – ухмыльнулся Архип.

– Если бы мне было всё равно, – сухо заговорила Амина, – я бы давно уже была замужем!

– Выходит, вы меня ожидали? – уколол её самолюбие едким вопросом казак.

– Наверное, да, – обреченно ответила Амина. – Пойми, что у меня нет таких родителей, как у Ании, и мне не перед кем держать отчёт о своих поступках. Но я очень богата. У меня столько золота, что я могу купить два таких города, как Оренбург!

– А меня сделать губернатором?

Блестящие, тёмные, теперь казавшиеся совсем чёрными глаза Амины гневно сверкнули, она была прекрасна.

– Я не думала, что ты такой... непробиваемый, Архипушка! Мне искренне жаль тебя, мушка, запутавшаяся в жизненной паутине. Ступай отдыхать. Завтра придётся много работать.

Архип посмотрел на неё полным сожаления взглядом.

– Уходи скорее, – воскликнула подавленно Амина, – а то я готова поколотить тебя!

Казаку захотелось прямо и резко ответить женщине, но он раздумал. Да и как он мог грубить приютившей их хозяйке умёта? Он взялся за ручку двери, но, не открыв её, замер, услышав слова Амины:

– Прости меня за резкость, Архип, но сейчас ты разозлил меня. Страшно разозлил!

Архип промолчал: от природы он был находчив, но сейчас не мог дать достойного ответа.

– Иди же, не стой каланчой! – строго приказала Амина.

Он облегчённо вздохнул, пожал плечами и, не оборачиваясь, вышел.

Глава 11

Каждый день рано утром Абдулла открывал свою лавку на Меновом дворе и торговал в ней дотемна. Вечером он подсчитывал прибыль и складывал деньги в кубышку. Торговал Абдулла разным товаром, в основном привозимом караванами из Хивы. Ткани, пряности, сухофрукты, платки, браслеты из серебра и меди – всё расходило хорошо. Вскоре накопилась значительная сумма денег, и Абдулла с сожалением подумал, сколько он потерял, не открыв лавки несколько лет назад.

Однако же его мало волновали доходы от лавки. Его заботил совсем другой вид торговли, которая приносила баснословные барыши.

Позади лавки была пристроена ещё одна комната, в которой решались важные дела торговли живым товаром – людьми.

В этот день «поторговаться» к нему заглянул купец из Хивы Ибрагим. За те годы, что Ибрагим вёл торговлю с Оренбургом, он зачастую только привозил товар в город, а обратно в Хиву он обычно отправлялся налегке, лишь прихватив несколько мешков илецкой соли. Но он только из Оренбурга отправлялся «налегке»...

По дороге в Хиву купец скупал рабов. Сабарманы хорошо знали дни, когда караван Ибрагима покидал город, и уже поджидали его на всём протяжении пути, продавая ему за бесценок пленённых в набегах людей. А вот цены на живой товар устанавливались здесь, на Меновом дворе, в лавке скромного и обаятельного купца Абдуллы.

Ибрагим подъехал к лавке на своей коляске, оглянулся по сторонам и, убедившись, что рядом нет любопытных, вошёл во двор. Абдулла с удивлением посмотрел ему вслед. Обычно купец подходил к лавке «с передом», внимательно рассматривал товар, а уж только потом заходил в неё со двора.

Подозвав сына, Абдулла передал ему торговлю, а сам перешёл в заднюю комнату, чтобы встретиться с дорогим гостем.

Ибрагим вошёл в комнату. Абдулла с радушной улыбкой поспешил к нему навстречу.

– А, уважаемый Ибрагим! – приветливо потянулся он к купцу. – Как самочувствие? Как здоровье?

– Хвала Всевышнему, ноги носят. А как вы, уважаемый?

– Тоже не жалуюсь! Как здоровье Рахима, караван-баши?

– Хвала Аллаху, он всё в одной поре. Ловок и резв, как верблюжонок. Сейчас по базару ходит, подарки для семьи закупает.

– А из Хивы какие вести?

– Не знаю, что там. Ты же знаешь, что я ещё с весны в Оренбурге и мало что о Хиве слышать довелось.

– Вижу – домой собрался, уважаемый Ибрагим. Что из Оренбурга в Хиву повезёшь?

– Ты же знаешь «чего»? – хитро прищурился Ибрагим. – Как всегда, соль илецкую. Вот только верблюдов беру – и в путь.

– Изголодались они здесь, – сочувственно вздохнул Абдулла. – Им бы на пастбища вольные...

В Средней Азии на лето верблюдов выпускали на вольные пастбища, сняв с них сёдла и попоны. А когда в горбах накапливался жир и они поднимались, на верблюдов, соблюдая торжественные обряды, хозяева одевали новые попоны и сёдла, устраивали пирушку для пастухов и погонщиков и после этого составляли новый караван.

– Ничего. Я их хорошо кормил. До Хивы дойдут, знаю я.

– А ещё прикупить не хочешь? – поинтересовался Абдулла. – У меня есть на примете пять десятков хороших верблюдов. Ведь впереди дорога дальняя и трудная.

– Мне и своих хватит, – ответил важно Ибрагим. – У меня и без того их сто пятьдесят голов! Я уже много лет торговлю веду. И не только в Оренбург езжу. Под началом моего караван-баши верблюды не знают усталости.

Абдулла выглянул во двор и позвал работницу:

– Фарида, принеси нам плов и чай завари! – И улыбнулся гостю: – За разговором-то совсем забыл о еде. Уж меня простите.

– Не стоит беспокоиться, я не надолго, – попробовал отказаться Ибрагим.

– Говорят, хан Малой орды воинов своих послал, чтоб сабарманов вдоль границы истребить. Что об этом думаешь, уважаемый Ибрагим?

– Разбойники мне не страшны, – усмехнулся гость. – Да и с воинами хана договоримся. Люди они небогатые и жить хорошо хотят.

– А! Чуть не забыл! – оживился хозяин. – Тут ко мне утром человек приходил. Насчёт цены справлялся. У него «товар» для вас хороший скопился.

Услышав то, для чего он и пришёл в лавку Абдуллы, гость нетерпеливо завозился.

– Это кстати! Я как раз и приехал за этим.

– А цену какую дашь? – оживился и Абдулла, который за каждую проданную «голову» тоже имел одну золотую монету.

– Меньше, чем обычно, – огорчил его Ибрагим.

Ничем не проявив своего неудовольствия, Абдулла начал усердно угощать гостя пловом и чаем.

Разговор о цене за рабов сначала вёлся тихо, но потом собеседники разгорячились и даже стали ругаться. Ибрагим кричал на Абдуллу, объясняя, что якобы из-за договора между ханом Нурали и губернатором Оренбурга перевозить рабов в Хиву стало значительно труднее. В свою очередь Абдулла кричал, что ему дорога жизнь и что, если цена на закупку рабов будет снижена, его просто разорвут на части те, кто занимается захватом пленников и продажей их в рабство...

К лавке подошёл покупатель. Сын Абдуллы тихонько постучал в дверь комнаты, там замолчали. Покупатель спросил сапожную щётку. Чтобы отвязаться побыстрее, юноша сказал, что щеток нет. У него от страха мелко дрожали ноги. Но посетитель грубо спросил его:

– Это ты Абдулла или его отпрыск?

Еще вчера юноша радовался бы любому покупателю и втихаря от отца содрал бы с него лишний гривенник. Он чувствовал интерес к торговле, сказала отцовская страсть! Но этот странный покупатель вызывал в нём чувство тревоги, и он не знал, как выпроводить его из лавки.

Но пугавший юношу мужчина вскоре ушёл. Парень вздохнул с облегчением. Отец с гостем позвали его и долго расспрашивали, что это был за человек, как одет и почему столько времени топтался в лавке. И юноша понял, что отец и гость, приехавший издалека, тоже пребывали во власти страха.

Абдулла приказал сыну закрыть лавку и послал его бродить вокруг, чтобы при надобности дать знак об опасности.

Осунувшееся побледневшее лицо Абдуллы не понравилось Ибрагиму. Он тихо спросил:

– Опасаешься властей?

– Опасаюсь, – мрачно кивнул Абдулла, кидая в рот крохотный шарик опия. – Оренбург не Хива или Бухара. Здесь другие законы!

Он провёл по лицу кончиками пальцев, как бы творя про себя молитву.

– Я не столько боюсь властей, сколько казаков, – продолжил он. – Эти бестии, если что прознают, не будут допытываться, что и как. Они разнесут в пух и прах мою лавку, а всю мою семью и меня в том числе изрубят в куски!

– Моя цена – пять монет за голову, – заторопился Ибрагим. – Или я загрузу верблюдов солью. Пусть прибыль будет меньше, зато голова целее.

Узкое лицо Абдуллы побледнело.

– Помилосердствуйте, уважаемый Ибрагим! – позабыв об осторожности, воскликнул он. – Шкура бабара и то дороже стоит?

– Больше дать не могу, – заюлил гость. – Раньше я без опаски вёл рабов до Хивы, а что сейчас? Теперь придётся много платить воинам хана Нурали за беспрепятственный проезд. А это встанет в немалую копеечку!

– Но сабарманы не согласятся продавать пленников за такую мизерную цену? – возмутился Абдулла, сверкая глазами.

– А тебе какое до них дело? – улыбнулся гость. – Я понимаю, что и ты потеряешь некоторую долю своей выгоды, но не потеряешь всего! Ты передай по цепочке всем главарям мою цену. И если они согласятся, то я вывожу свой караван без мешков с солью!

В это время дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ввалились трое незнакомцев весьма свирепого вида. Они замерли в проходе, а тот, который ворвался первым, с нахальной ухмылкой сообщил:

– Албасты будет согласен продать пленников по десять золотых за голову! А если вас не устроит такая цена, уважаемый купец, то велено было передать, что ваш караван никогда не доползёт до Хивы... Если вообще когда-нибудь выйдет из Оренбурга!

* * *

По пятам за Нагой и приставленных к нему двух разбойников по базару двигался человек. Стараясь оставаться незамеченным, он не упускал его из виду. Нага шагал между торговых рядов. Человек за ним. Нага шагал между стогов выставленного на продажу сена, а человек пробирался рядом, прикрываясь ничем не подозревающими покупателями и продавцами. Нага шагал между торгующими конями цыган. Его преследователь карабкался вдоль огороженного жердями загона. У Наги в мыслях не было, что у него такая «верная» стража. Вот он остановился у кучковавшихся цыган. Следовавший за ним человек застыл в позе гончей, почуявшей дичь в нескольких десятках шагов от него. Просто прилепился к Наге этот подозрительный незнакомец.

Видимо, непроизвольно почувствовав на себе пристальный взгляд, Нага обернулся. Его преследователь побледнел, задрожал и, точно его змея ужалила, отскочил в сторону.

– Эй, Вайда, какого чёрта ко мне не подходишь? – крикнул Нага одному из цыган, державшему за узду лошадь.

– Я сразу и не признал вас, «ваша милость», – вымученно улыбнулся Вайда.

– Что-то ты неважно выглядишь, дружище! – Нага захохотал. – Может, тебя бросила та молодуха цыганка, которая до смерти напугала мою чокнутую хозяйку?

– Не в ней дело, – ответил цыган. – Мне просто нездоровится сегодня.

– Нездоровится? – покачал недоверчиво головой Нага. – А мне показалось, что пока меня не увидел, ты выглядел здоровее жеребца-производителя, подготавливаемого к случке!

– Любая встреча с вами несёт мне одни лишь неприятности, – нахмурился Вайда. – Вот и сейчас я почувствовал их приближение, когда увидел вас.

– Брось, не трусь, – улыбнулся Нага. – Если хочешь знать, то мне тоже не очень-то везёт с тобою! Вспомни, ни одного дела, которые я тебе поручал, ты не выполнил до конца! И ни одно из моих к тебе поручений не обошлось без скандала!

– Но вы и не заплатили мне ни разу.

– Прости, но не за что было платить!

– Если это всё, то я пошел, – сказал Вайда. – И не ищи больше меня, «господин». Я больше не собираюсь исполнять твоих приказов!

– Не собираешься? – ухмыльнулся Нага. – Да ты пьян, наверное?

– Ни капли во рту не было.

– Стало быть, ты слишком осмелел, что говоришь мне это.

Нага нахмурился и свирепо глянул на Вайду. Он весь задрожал от ярости.

– Ты видишь возле меня двух воинов? – спросил он, с трудом сдерживая себя от желания отвесить цыгану оплеуху на глазах его сородичей. – Неподальёку от базара ещё пять десятков таких же орлов! Так вот, если не хочешь навлечь на свой табор массу бед мыслимых и немыслимых, то не демонстрируй сейчас передо мной свою чёртову гордость!

– Хорошо, что ты от меня хочешь, «господин»? – почти тут же спросил Вайда, который очень хорошо знал, с кем имеет дело.

– Для начала найди мне здесь одного цыганёнка, – сказал Нага, глядя Вайде прямо в лицо. – Не так давно я попросил его кое-что для меня сделать. Вот только имя его я позабыл спросить.

– Наверное, ты спрашиваешь про Бубулю, – догадался Вайда. – Но его больше нет.

– Как это нет?

– Мы его долго искали. И нашли в степи с разрубленной головой и засыпанным снегом.

– Уж не думаешь ли ты, что это сделал я?

– Нет. Но он погиб из-за тебя. Который раз убеждаюсь, что ты сеешь вокруг себя одни только несчастья!

Новость, услышанная от цыгана, заставила Нагу задуматься. Но думал он недолго. Его гибкий ум довольно быстро нашёл единственно правильное на этот час решение.

– Иди к своему барону и скажи ему, что едешь по делам в город, – не терпящим возражения голосом приказал Нага. – А сам поедешь с нами и покажешь, где в степи нашли тело Бубули.

– Для того чтобы куда-то уехать, я не должен ни у кого отпрашиваться, – гордо вскинул голову Вайда.

– Тогда седлай коня, и я жду тебя у входных ворот.

– А почему ты думаешь, что я куда-то с тобой поеду?

– Можешь не ехать. Тогда я разгроблю твой табор! Верь мне, хорёк вонючий! Может, я и плохой человек для многих, но... я никогда не лгу!

Вайда вздохнул, пожал плечами и с видом обречённого на казнь пошёл исполнять приказ человека, которого боялся и ненавидел сейчас больше всех на свете.

– А вы ступайте за мной! – сказал Нага сопровождавшим его сабарманам. – Мы быстренько выполним ещё одну «просьбу» Албасты и уедем отсюда.

И Нага пошёл искать лавку Абдуллы. Из-за рядов, торгующих шкурами, вышел его следователь и поспешил в сторону караван-сарая со счастливой улыбкой на некрасивом изъеденном оспой лице.

* * *

Шок, вызванный внезапным появлением Наги и сопровождавших его сабарманов, начал проходить. Издеваясь над хозяином лавки и его гостем, Нага делал вид, что «заботливо ухаживает» за ними, однако не забывал и себя. Он то и дело протягивал руку к подносу на столе и кидал себе в рот или кусочек сахара, или горстку душистого кишмиша.

– Для хорошего течения мыслей, – балагурия, философствовал он при этом, – нужно есть вкусную и приятную пищу. Ваши «уважаемые натуры» не принимают сладостей, а это очень плохо. Всякие сладости – лучшее лекарство для сердца и мозгов! Плов тоже пища полезная.

Он кивнул «своим» разбойникам на поднос с пловом, а сам продолжил:

– Плов вселяет в людей здоровье. Продляет им жизнь!

«Э-э-э, нет, ты не заставишь меня себе подчиниться, сколько ни старайся», – подумал Абдулла, с беспокойством наблюдая, как вторгшийся сабарман, пододвинув к себе тарелку, горстями запихивал кишмиш в рот, даже не очищая от соринки.

– Может, вы изложите нам поподробнее то, с чем пожаловали? – прогнусавил Ибрагим.

Нага перестал есть кишмиш, блаженно закрыл глаза, посидел немного с мечтательной улыбкой на лице и умиротворённо произнёс:

– Я сказал вам всё, что просил меня передать Абдулле уважаемый Албасты! Он очень надеется, что назначенная им цена за головы рабов не слишком-то облегчит ваш карманы?

Прежде чем ответить, Ибрагим вытер трахомные глаза платком, похожим на косынку. Затем он бросил взгляд на сосредоточенное лицо Абдуллы и вкрадчиво сказал:

– Я очень много раз водил караваны в Оренбург и обратно, уважаемый, э-э-э...

– Меня все зовут Нага, – милостиво поправил его незваный гость.

– Так вот, уважаемый Нага, – продолжил, нахмурившись, Ибрагим, – я знаю много «достойных» людей, которые... гм-м-м... которые продают мне пленников. И они меня все знают! Но... имени Албасты мне никогда не приходилось иметь на слуху. Хотя я верю вам на слово, что он человек очень уважаемый и влиятельный.

– Даже больше, чем вы думаете, – зашипел предостерегающе Абдулла. – Но о нём я расскажу вам чуть позже.

– И «уважаемый» Албасты считает, что назначать цену за головы рабов – его привилегия? – обратился с вопросом к Наге Ибрагим.

– Именно так он и считает, – ответил, хитро прищурившись, тот. – И он ещё просил передать Абдулле, что сам займётся торговлей рабами, а всех купцов из Азии просто разгонит по степи, как стадо глупых баранов.

– Так и сказал? – возмущённо воскликнули в один голос Абдулла и его «важный» гость.

– Не верите мне – спросите у них, – Нага указал на разбойников, жадно поглощавших плов.

В ответ те издали какие-то нечленораздельные звуки, но Абдулла и Ибрагим восприняли их мычание как подтверждение слов Наги.

– В таком случае я задержусь в Оренбурге с караваном, – вежливо «пригрозил» Ибрагим, – пока не узнаю мнение на этот счет уважаемых людей, которых я знаю лично!

– Уважаемый Албасты предвидел и такое ваше желание, – нахально рассмеялся Нага. – Тогда он велел передать, что цена за голову вырастает до пятнадцати золотых!

– Это уж слишком! – воскликнул возмущённо Ибрагим. – Я немедленно уйду, и...

Нага схватил его грубо за одежду и швырнул обратно на скамью.

– Хлебай чай и остынь, пень правоверный! – грозно рыкнул он. – Я сказал ещё не всё, что «просил» меня передать Абдулле уважаемый Албасты.

– И что же? – угодливо заулыбался торговец, испугавшись тех мер, которые применил в отношении его гостя бесцеремонный разбойник.

– В случае твоего несогласия Албасты велел собрать всех казаков на ярмарке и привести их к твоей лавке! – сказал с серьёзным лицом Нага.

– Для чего? – бледнея, прошептал Абдулла.

– Албасты велел открыть глаза казаков на ваши делишки, – ядовито улыбнулся Нага. – Вы оба можете себе представить, что случится потом?

Он смотрел полным торжества взглядом на лица окаменевших от ужаса работорговцев.

– Вижу, вы правильно меня поняли, – хмыкнул Нага. – От вас даже дерьмом потянуло! Если окажетесь в руках казаков, то от вас даже мокрых пятен не останется, впрочем, как от

каравана и от этой вот уютной лавчонки. За своих жён, детей, братьев и сестёр, насильно угнанных и проданных в рабство, казаки...

– Я согласен заплатить уважаемому Албасты по десять золотых за голову, – «прозрев» первым, не дал договорить Наге страшных слов Ибрагим. – Передайте ему мой поклон и чисто-сердечное заверение, что я и впредь буду счастлив иметь с ним взаимовыгодную торговлю!

– Албасты будет доволен нашей беседой! – рассмеялся Нага, с высокомерием глядя на сломленных купцов. – Только не вздумайте передумать, а то...

– Вот он, хватайте его! – ворвавшись в комнату, закричал тайком преследовавший его человек. – Это он ограбил меня. Хватайте его!

Следом за ним в комнату втолкнулись ещё человек пять слуг караван-сарая, вооружённые кто чем.

Прекратив поглощать плов, разбойники вскочили из-за стола и обнажили сабли, готовые в любую минуту вступить в схватку.

Не ожидавшие такого, прибежавшие с приказчиком слуги, побросав утварь, которую собирались использовать как оружие, мгновенно ретировались на улицу. А вот приказчика Нага успел ухватить за плечо и резким рывком развернул к себе.

– И всё-таки тебе не жаль своей жизни, ушлёпок, – ухмыльнулся он. – Видимо, ты огорчил чем-то Всевышнего, раз он высушил твой мозг!

Выхватив саблю из рук стоявшего ближе к себе разбойника, Нага посмотрел на застывших от ужаса Абдуллу и Ибрагима:

– А сейчас я покажу вам, как поступает Албасты с теми, кто попытается обмануть его.

Резким взмахом он обезглавил несчастного приказчика и швырнул саблю её хозяйину.

– Ну, счастливо оставаться, «уважаемые купцы», – направляясь к выходу, сказал он. – Думаю, вы и без меня здесь приберётесь.

* * *

Когда Вайда осадил коня возле ожидавшего его Наги, тот окинул его придирчивым взглядом:

– Ну что, готов?

– Да, – кивнул цыган.

– Тогда поехали? – разворачивая своего коня, спросил Нага.

– погоди, – сказал Вайда и протянул ему кольцо. – Азар велел передать.

Нага взял перстень и с недоумением посмотрел на цыгана.

– Твой барон, наверное, спятил?! – воскликнул он. – Да этому перстню цены нет!

– Ему Серафима велела вернуть его, – ответил Вайда.

– Серафима? А кто эта добрая женщина?

– Наша ведунья.

– А почему она велела Азару вернуть перстень?

– Она сказала, что вещь «тёмного человека» принесёт большое несчастье всему табору!

– Правильно сказала, стерва цыганская, – нанизывая перстень на палец, довольно рассмеялся Нага. – Это кольцо приносит счастье только мне одному! А теперь в путь. Я думаю, что скакать нам придётся далеко и долго!

Нага ехал впереди, Вайда за ним, а разбойники по бокам, то пуская коней рысью, то возвращаясь назад. Они опасались нечаянной встречи с патрулировавшими степь казаками.

Выносливые кони, словно понимая опасность, мчались вперёд без понуканий, изредка перекликаясь коротким ржанием. Их усталость стала заметной лишь после трёх часов непрерывной скачки.

Холодный, ледяной ветер. Глубокий снег, доходивший временами до конских колен. Бескрайняя снежная пустыня впереди. Всё это утомляло коней.

Они бежали, высунув языки, как собаки. Они явно изнемогали от усталости. Но пока не было видно конца пути. Вокруг со всех сторон тянулась без конца и края заснеженная унылая пустыня. Но кони всё же скакали, не убавляя скорости, словно надеясь на какую-то стоянку на берегу реки.

Солнце село. Луна ещё не взошла. Степь охватила тьма.

– Стойте! Кажется, здесь.

Цыган сошёл с коня. Он принялся внимательно осматривать местность. Орудя руками и взятой у одного из разбойников саблей, он упорно разгребал уплотнившийся снег, ориентируясь по каким-то, только видимым им одним приметам.

Кони тем временем утоляли жажду, хватая губами снег и глотая его.

– Ну чего ты там копаешься? – подошёл к цыгану Нага.

– Точно, здесь мы Бубулю нашли, – выпрямившись, сказал Вайда.

– Далековато от базара, – прикинув расстояние, высказался далёкий от восторга Нага. – И тем не менее надо запомнить это место!

Он вскочил на коня и приблизился к разбойникам.

– Сабир, дай мне саблю, – потребовал он, протянув руку.

Разбойник, к которому Нага обратился по имени, послушно выхватил из ножен саблю и протянул ему.

– А теперь поступим так.

Нага взмахнул саблей и точным разящим ударом рассёк горло второго ничего не подозревавшего разбойника. Не дожидаясь, когда тот свалится с коня на снег, Нага опять взмахнул саблей, и тот, кто дал ему её, с разрубленным лицом свесился с седла, зацепившись ногой за стремя.

– Вот и пометили местечко, – злобно ухмыльнулся он и, держа в руках саблю, повернулся к обомлевшему от ужаса цыгану.

Перепуганный насмерть Вайда и не мыслил бежать куда-то. Его ноги приросли к земле, и он даже не пытался пошевелиться.

– Ну, чего уставился? – спросил Нага таким тоном, как будто ничего ужасного не произошло. – Давай уложи их рядышком и поехали. Время не ждёт!

– Ты страшный человек, – прошептал, приходя в себя, Вайда. – За что ты их так вот?

– Чтобы место заметить! – расхохотался Нага. – Моли бога, что этот мой выбор пал на них, а не на твою дурью голову.

– Я боюсь тебя, – сказал Вайда, взобравшись в седло. – Я много походил по земле с табором и много видел людей. Видел всяких. Жестоких и очень жестоких. Но таких, как ты...

– Бывают моменты, когда я и сам себя боюсь, – оборвал его Нага. – А теперь давай подумаем, как нам пробиться к лесу, минуя город.

Цыган поднял голову и посмотрел в усыпанное звёздами безоблачное небо. Затем он указал наблюдавшему за ним Наге направление.

– Скачи туда и никуда не сворачивай, – сказал он уверенно. – В самый раз к лесу выедешь, а там разберёшься!

– Ты что, собираешься меня здесь бросить? – удивился Нага. – Но мы так не уговаривались?

– Мы никак не уговаривались, – огрызнулся Вайда. – Считаю, что пути-дорожки наши разошлись.

– Нет, я так считать отказываюсь, – возразил Нага, выхватывая отобранный у убитого разбойника пистолет. – Сегодня я зарубил троих. И меня ничего не остановит от того, чтобы застрелить четвёртого!

Цыган замер, словно ожидая выстрела, и опустил обречённо голову.

– Что ж, стреляй в меня, черный человек, – сказал он. – Всё одно с тобой рядом помереть придётся.

– Кто тебе эту хреновину сбрыхнул, Вайда? – спросил Нага, опуская пистолет дулом в землю.

– Я уже говорил – Серафима, – ответил цыган понуро.

– Да ваши колдуньи никогда не говорят правду. Ты же знаешь? Они только простаков дурачат, и всё тут!

– Серафима знает всё. Она чернокнижница.

Нага придержал пляшущего под собою коня и ободряюще рассмеялся.

– Какой же ты дурень, Вайда, – сказал он. – Книгу ее «чёрную» не бесы, а люди писали, умом тронутые. А те, кто верит в бредни «колдунов», ещё больше тронутые!

– Тогда как ты объяснишь те неудачи, которые преследуют всех, кто рядом с тобой?

– Совпадением, и ничем больше. Тёмные людишки выдумывают себе разные небылицы и сами же верят в них!

– Ну уж нет, – замотал головой Вайда. – Я сердцем чувую, что ты виной всему. Все беды от тебя исходят.

– Знаешь что, цыган повёрнутый, – заговорил как-то необычно Нага, – а я вот думаю, что ты сам юродивый.

– Почему юродивый? – напрягся Вайда, пытаясь сообразить, куда клонит пугающий его злодей.

– Такой вот ты, не от мира сего! Сам притягиваешь к себе все несчастья и страдаешь от того?

– Нет, не такой я. Был бы я таким, то Серафима бы меня от напастей давно бы отвела!

– А может, она на тебя их сама и насылает? – усмехнулся Нага. – А может, та цыганка молодая, которую ты к госпоже моей приводил? Мне тогда ещё показалось, что она не больно-то тебя жалует?

Вайда вздрогнул и замолчал. Слова Наги, брошенные им наугад, ранили суеверного цыгана в самое сердце. Раньше он не задумывался над тем, что Серафима или Ляля могли причинить ему зло. Но теперь...

– Я убью их обеих, – прошептал он тихо себе под нос, но Нага услышал его.

– Вот видишь, ты и сам догадался, кто «напасти» на тебя шлёт! – воскликнул весело он, уяснив, что его слова достигли цели. – А ты во мне чёрта какого-то увидел? Ты же мне сам рассказывал, как эта девка помешала тебе исполнить моё поручение?

– Я знаю, где она, – прохрипел простуженно Вайда, потеряв от волнения голос.

– Кто? – переспросил, не поняв его, Нага.

– Лялька проклятая, – снова прохрипел цыган.

– И где? – заинтересовался Нага.

– Там же, где и та барынька, которую ты разыскиваешь.

– А ты откуда знаешь, кого я разыскиваю?

– Знаю. Эта барынька иногда к Ляльке в табор тайком наведывалась. И Лялька к ней в гости ездила!

Нага почувствовал, как мощный прилив радости заполняет его грудь, а сердце заколотилось так сильно, как колотится у юноши, ожидающего первое свидание.

– И где прозябает эта «барынька»? – спросил он тихо, словно боясь вспугнуть разговорившегося цыгана.

– Отсюда недалеко. В лесу. На умёте безымянном!

– И ты покажешь мне это место?

– Покажу, если Ляльку мою не тронете.

– Обещаю! – воскликнул, сияя, Нага. – Можешь сам её резать или приголубить. Считаю девку своей, Вайда.

Глава 12

Наступило утро. По комнате беспокойно разгуливал взад и вперед граф Артемьев, сунув руки в карманы камзола. Он хмурил лоб, видно было, что граф не в духе. У окна стоял Демьян. Он напряженно пялился на улицу, словно ожидая кого-то.

– Ну и как всё это понимать, Александр Васильевич? – спросил граф. – Лично я ничего понимаю. Вот уже сколько дней томлюсь в ожидании, а господин Анжели так и не является. Или, может, он передумал возвращаться в Оренбург из Франции?

– Александр Прокофьевич, – заговорил Барков, сидевший с кислой миной на лице, – этот француз человек непредсказуемый. Я много раз предупреждал вас об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.